

лежать въ природѣ человѣческихъ дѣлъ и случались у всѣхъ народовъ. Если отдѣльные греческіе государи и допустили тяжелыя ошибки, то за это не можетъ отвѣчать нація. Какъ когда-то еврей Іосифъ объективно рассказалъ о завоеваніи Іерусалима римлянами, точно также и онъ хочетъ описывать все согласно долгу и правдѣ. Въ самомъ дѣлѣ, его разсказъ, быть можетъ, свободенъ отъ намѣренного искаженія истины; за то многого оставляютъ желать передача мѣстныхъ названій и личныхъ именъ и точность хронологіи. Часть вины лежитъ, повидимому, на источникахъ Критовула; нѣкоторыя ошибки произошли вѣдѣствіе доведенной здѣсь до апогея византійской педантичности въ замѣнѣ всякой цѣною средневѣковыхъ названій мѣстностей и народовъ античными.

Такимъ образомъ для эпохи послѣднихъ Палеологовъ и окончательнаго уничтоженія византійской державы мы имѣемъ четырехъ историковъ, которые взаимно вполнѣ другъ друга дополняютъ и исправляютъ. Ихъ отличія объясняются отчасти различіемъ цѣлей и средствъ, отчасти различіемъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ они разсматриваютъ событія. Аѳинянинъ Халкондилъ принадлежитъ къ кругамъ пелопонесскихъ деспотовъ и поэтому подчеркиваетъ преимущественно внутренне и внѣшніе конфликты на югѣ Балканскаго полуострова; Дука, дипломатическій агентъ искуснаго государя и поэтому наблюдаетъ политическія событія изъ франкскихъ владѣній въ Малой Азии и Лесбосѣ; Франзъ, императорскій чиновникъ и ревностный сторонникъ антиримской партіи, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которая ранѣе была единственно возможной точкой зрѣнія византійскаго двора и византійской патріархіи. Критовулъ, наконецъ, является греческимъ райей, который по мѣрѣ силъ при способляется къ измѣнившимся обстоятельствамъ и, какъ въ послѣдствіи фанариоты, безпрекословно посвящаетъ себя службѣ новому властителю.

Изданія: Изданіе, не могущее, впрочемъ быть такъ названо, такъ какъ никогда не было опубликовано, подготовилъ Ph. Ant. Dethier Monum. Hung. Hist. vol. XXI, pars I (Sine anno) I — 346. — Ed. C. Müller FHG V (1870) 40—161 (съ хорошими лингвистическими и реальными примѣчаніями).

В. Хронисты.

§ 38. Общая характеристика. Цѣнность византійскихъ хронистовъ заключается существенно въ томъ, что они частью возстановляютъ намъ утерянныя историческія сочиненія и заполняютъ пробѣлы, встрѣчающіяся у довѣствователей-современниковъ. Форма изложенія у хронистовъ не претендуетъ на художественность; но какъ разъ тѣмъ самымъ, что они отказываются отъ архаическаго греческаго языка, они становятся важнѣе для исторіи живого языка, чѣмъ историки, которые пользуются условнымъ искусственнымъ языкомъ. Авторы хроникъ — въ большинствѣ случаевъ монахи, желающіе дать лицамъ своего круга или благочестивымъ мірянамъ краткія руководства по всемірной исто-

риі. Отсюда объясняется доминирующая въ этихъ трудахъ клерикальная и популяризирующая тенденція. Этимъ двумъ качествамъ обязаны они своимъ распространеніемъ на латинскомъ Западѣ и особенно среди обращенныхъ Византіей въ христіанство восточныхъ и славянскихъ народовъ, среди сирійцевъ, арабовъ, армянъ, грузинъ, болгаръ, сербовъ и русскихъ. Такимъ образомъ, хроники имѣли несравненно большее значеніе для общей культуры средневѣковья, чѣмъ «Исторіи», написанныя современниками, оказывавшія дѣйствіе лишь на самые тѣсныя круги въ Византіи; и то, чего имъ недостаетъ со стороны ихъ внутренней цѣнности и художественности формы, онѣ возмѣщаютъ неизмѣримымъ вліяніемъ на литературы чужихъ народовъ.

Обыкновенно хронисты значительно облегчали себѣ свою работу: за немногими исключениями, они просто болѣе или менѣе подробно экцерпировали находящіяся въ ихъ распоряженіи историческія труды и болѣе древнія хроники, причѣмъ для каждаго отдѣльнаго отрывка пользовались однимъ источникомъ — принципомъ, излюбленнымъ, какъ извѣстно, уже древними историками. Нерѣдко, правда, включали они въ главный источникъ одинъ или нѣсколько побочныхъ. Въ нѣкоторыхъ хроникахъ зависимость отъ источниковъ доходитъ до того, что онѣ получаютъ значеніе списковъ болѣе древнихъ трудовъ. Случается также, что одинъ и тотъ же трудъ ходитъ подъ различными именами. Современнаго представленія о литературной собственности въ этомъ родѣ литературы не существуетъ, и потому это не болѣе, какъ донкихотство, когда клеймятъ, какъ это часто бывало, невинныхъ хронистовъ именемъ безсовѣстныхъ плагиаторовъ. Такого упрека византійскій хронистъ не понялъ бы. Форма изложенія и идеи для него дѣло второстепенное, а матеріалъ, факты, онъ разсматриваетъ, какъ общее достояніе, изъ котораго каждый можетъ выбирать по своему желанію. Этотъ литературный коммунизмъ привелъ къ тому, что теперь часто бываетъ трудно провести здѣсь границы между самостоятельной компиляціей, простой редакціей и рукописнымъ вариантомъ. Отсюда создаются почти непреодолимыя затрудненія для дипломатической критики и для научныхъ изданій. Самую трудную проблему представляетъ въ данномъ отношеніи Георгій Монахъ, царившій надъ умами въ теченіе всего средневѣковья и потому дошедшій до насъ въ безчисленныхъ, сильно расходящихся между собою рукописяхъ.

Весьма важно въ этомъ родѣ литературы, гдѣ каждое новое произведеніе по мѣрѣ возможности черпаетъ свое содержаніе изъ болѣе древнихъ трудовъ, установить ихъ родство и отношеніе къ источникамъ. Такое установленіе наталкивается еще на большія затрудненія, чѣмъ научное изданіе текстовъ, и принадлежитъ несомнѣнно къ самымъ труднымъ задачамъ, которыя вообще существуютъ въ филологіи. Нѣкоторые изъ основныхъ источниковъ потеряны навсегда, другіе дошли до насъ только въ видѣ извлеченій и отрывковъ или въ позднѣйшей переработкѣ и переводѣ; изъ послѣднихъ многое еще не опубликовано,

многое, хотя и напечатано, но совершенно ненадежным образом или находится в недоступных местах. Поэтому исследователю приходится без конца обращаться к рукописному материалу, а это опять-таки бесконечно затруднить понимание и проверку предшествующих работ тому, кто не имѣет возможности разбираться в соответствующих рукописях. Немалая путаница возникает также из-за отсутствия точной номенклатуры. Многие принимаемые во внимание памятники сохранились лишь в видѣ компиляцій или экскерптовъ, и потому ихъ трудно цитировать; другіе труды, съ которыми приходится оперировать, предполагаются только по нѣкоторымъ слѣдамъ, и у нихъ опять-таки приходится иногда предполагать нѣсколько редакцій, которые и вводятся в исследование. Затѣмъ эти расплывчатые и часто довольно проблематичныя величины, необходимыя для установления источниковъ, не рѣдко обозначаются исследователями различными именами, смотря по тому представлению, которое каждый составилъ себѣ о нихъ. Тотъ же самый индивидуумъ мы встрѣчаемъ в одномъ мѣстѣ какъ скромный «компендій», тамъ, какъ «Іоанна Антиохійца», в третьемъ мѣстѣ, какъ «первоначальный видъ Малалы» и т. д. Не уменьшается бѣда и тогда, когда, наоборотъ, нѣсколько исследователей пользуются однимъ и тѣмъ же названіемъ, но связываютъ съ нимъ различныя представленія. Даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вполне определенныхъ, но анонимныхъ трудахъ, затрудняютъ ориентировку такія частію рукописныя, частію условныя обозначенія, какъ «компендій», ἐπιτομή, «синопсисъ», «эклога» и т. п.

Къ этимъ внѣшнимъ и внутреннимъ затрудненіямъ присоединяется еще большой объемъ разсматриваемой области; кто хочет здѣсь ограничиться небольшимъ отдѣломъ цѣлаго, тотъ не сможетъ, какъ это показалъ неоднократно опытъ, много подвинуть основныя проблемы и легко впадетъ в глубокія заблужденія. Едва расширялось исследование, начиналъ колебаться не одинъ выводъ, считавшійся долгое время за вполне надежный, и справедливо жалуется одинъ изъ первыхъ знатоковъ этой усѣянной терніями области на «загадки, разрѣшеніе которыхъ отодвигается, какъ кажется, отъ насъ съ каждой дальнѣйшей попыткой»¹⁾. Во многихъ случаяхъ удается, правда, уловить общія «отношенія» какой-нибудь компиляціи къ нѣкоторымъ сохранившимся или предполагаемымъ источникамъ; но какъ только пытаются опредѣлить родство точнѣе, попадаютъ изъ одного тупика в другой, и исследование становится в иныхъ случаяхъ простымъ испытываніемъ терпѣнія. Не взирая на огромную затрату остроумія и настойчивости, рѣдко удается установить съ полнѣйшей точностью, сдѣланы ли извѣстныя измѣненія, прибавленія или пропуски компиляторомъ А, или они были уже в оригиналѣ В, или даже в главномъ или побочномъ источникѣ С, которымъ пользовался ВА, какъ разъ отъ увѣренности в этомъ зависитъ часто получение точныхъ и убѣдительныхъ результа-

товъ. Примемъ при этомъ во вниманіе особенно фатальное въ подобныхъ областяхъ изслѣдованія различіе въ субъективныхъ представленіяхъ и понятіяхъ достовѣрности, вѣроятности и возможности, и мы поймемъ весь комизмъ положенія судьи, который долженъ дать точное разрѣшеніе этому хаосу фактовъ, предпосылокъ и запутанныхъ комбинацій, какое требуется жестокой публикой отъ учебнаго руководства. Мы не посѣтуемъ на него, конечно, если онъ въ сомнительныхъ случаяхъ предпочитаетъ упрекъ въ боязливой сдержанности упреку въ самонадѣянности и незрѣлости заключеній. Сжатое изложеніе этихъ запутанныхъ отношеній встрѣчаетъ внѣшнее затрудненіе в томъ, что многія положенія, которыя при подробномъ обсужденіи всего матеріала дѣйствуютъ ясно и убѣдительно, теряютъ свою ясность и убѣдительность, когда ихъ нужно втиснуть в краткія положенія.

Мы не знаемъ, къ какому времени нужно отнести первые ростки византійской всемірной хроники; вѣроятно, придется спуститься до V или IV столѣтій и поставить ихъ в связь съ цитируемыми Малалой мудрыми и высокочудными хронографами Несторіаномъ, Павзаніемъ, Домниномъ Теофиломъ и Тимоееемъ, пожалуй, даже съ авторами, в родѣ Секста Юлія Африкана и Филиппа Сидскаго. Для нашей традиціи, однако, первымъ представителемъ этого вида является огреченный сиріецъ Іоаннъ Малала. Рядомъ съ народной, сильно пропитанной церковными интересами, всемірной хроникой, существовалъ болѣе высокой, по своему пониманію и по формѣ болѣе родственной современнымъ историческимъ трудамъ видъ обзоровъ всемірной исторіи, который в VI вѣкѣ былъ, кажется, представленъ однимъ Исихіемъ Милетскимъ. Отношеніе этой болѣе высокой всемірной исторіи къ обычной византійской хроникѣ со стороны историко-литературной, не выяснено в достаточной мѣрѣ; но весьма вѣроятно, что византійская всемірная хроника развилась не изъ трудовъ этого ученаго вида, а изъ городскихъ и провинціальныхъ анналовъ (лѣтописей). Отсюда происходитъ то, что древнѣйшіе хронисты разсматриваютъ всемірную исторію съ болѣе узкой точки зрѣнія ихъ родины. Такъ, для Малалы наибольшій интересъ представляетъ Антиохія, для Іоанна Никіусскаго — Египетъ. Послѣ Малалы популярная всемірная хроника продолжена в началѣ VII в. Іоанномъ Антиохійскимъ и Пасхальной Хроникой. В послѣдующее затѣмъ время всеобщаго литературнаго одичанія хроника, питомникомъ которой является монастырь, принадлежитъ къ тѣмъ многимъ видамъ литературы, гдѣ было хоть кое-что сдѣлано. О свѣтскихъ и церковныхъ компендіяхъ, возникшихъ в это время, мы узнаемъ по сохранившимся экскерптамъ и обильнымъ слѣдамъ у позднѣйшихъ хронистовъ. «Краткая исторія» Никифора покоится преимущественно на такомъ источникѣ, отъ котораго, кажется, сохранились скудные остатки, въ экскерптахъ изъ Μέγας χρονογράφος. Второе утерянное сочиненіе этого времени, основывавшееся отчасти на Іоаннѣ Антиохійскомъ, послужило источникомъ для цѣлой группы позднѣйшихъ хрони-

¹⁾ В. Z. 2, 203.

стовъ, особенно для Льва Грамматика, почему и было окрещено *E. Patzig* омиъ «Leoquelle». Можетъ быть, авторомъ его слѣдуетъ признать того патрикия Траяна, который, по сообщенію *Свиды* (см. s. v.), написалъ въ правленіе Юстиніана II Безносаго (685 — 695, затѣмъ 705 — 711) отличную краткую хронику. И такъ, вполне естественно, что какъ разъ хронистика была призвана къ тому, чтобы слѣлать переходъ отъ упомянутого безплоднаго времени къ литературному возрожденію, давшему въ IX вѣкѣ Фотія, въ X—Ареѳу, Константина Порфиророднаго и др., въ XI—Пселла. Трое изъ сохранившихся значительныхъ хронистовъ — Георгій Сиркелль, Теофанъ и Никифоръ — принадлежатъ по своей писательской дѣятельности началу IX столѣтія. Во второй половинѣ того же вѣка возникаетъ трудъ Георгія Монаха, оказавшій наряду съ Малалой самое сильное вліяніе на всѣ позднѣйшіе. Можно было бы назвать IX вѣкъ — вѣкомъ хроникъ подобно тому, какъ X — обозначаютъ вѣкомъ энциклопедій. Къ Теофану и Георгію Монаху примыкаетъ живая хронографическая дѣятельность, плоды которой лежатъ теперь предъ нами въ мозаичныхъ компіляціяхъ авторовъ, въ родѣ Симеоновъ Магистра и Логоѳета, Льва Грамматика, Θεοδοσία Мелитинскаго, Псевдо-Полидевка, Скилицы, Кедрина и Манассія. Въ XII вѣкѣ всемірно-историческое повѣствованіе еще разъ достигаетъ болѣе высокаго уровня въ обширномъ произведеніи Іоанна Зонары, который иногда возвращался вновь къ древнимъ подлиннымъ источникамъ. Вскорѣ послѣ этого и хроника болѣе низкаго стиля, въ которой продолжало дѣйствовать историческое пониманіе Малалы, нашла своего послѣдняго представителя въ лицѣ Михаила Глики. Послѣ Зонары и Глики анналистика не обнаруживала болѣе новой трудоспособности, вѣроятно, вслѣдствіе слишкомъ могучей конкуренціи со стороны ученой, гуманистически окрашенной исторической литературы, укрѣплявшейся все болѣе и болѣе со времени Комниновъ. Ефремъ, составившій въ XIV вѣкѣ хронику императоровъ, думалъ, какъ нѣкогда Манассія, что лишь примѣненіе стихотворной формы даетъ его труду право на существованіе. Въ популярныхъ греческихъ обработкахъ старыхъ произведеній и въ сухихъ хронологическихъ таблицахъ этотъ видъ литературы жилъ еще долгое время послѣ паденія имперіи. Хроники Николая Малаксы и Дороея Монеувасійскаго, изъ которыхъ первая доходитъ до 1573 года, а вторая до 1629 года, рядомъ съ нѣкоторыми анонимными произведеніями XVI и XVII столѣтій, стоятъ въ тѣсной связи съ византійской хронистикой.

1. Къ общей характеристикѣ византійскихъ хронистовъ: *A. v. Gutschmid*, die Grenzboten 22 (1863) 1, 345 сл. — *Kleine Schriften*, V (1894) 414 сл. — *A. v. Gutschmid*, *Kleine Schriften* I (1889) 32 сл. — Для ориентировки въ рукописномъ преданіи во взаимоотношеніяхъ источниковъ и методѣ работы хронистовъ см. въ II томѣ Теофана въ изданіи *C. de Boor* а и двѣ программы *E. Patzig* а: *Unerkant und unbekannt gebliebene Malalas fragmente*, Leipzig 1891, и *Iohannes Antiochenus und Iohannes Malalas*, Leipzig 1892. — Къ общей характеристикѣ христіанской, преимущественно латинской

анналистики, см. *O. Holder-Egger*, Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des V und VI. Jahrhunderts. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere Deutsche Geschichte* I (1876) 13—120; 213—368, и 2 (1877) 47—111. 2. Къ Μέγας χρονογράφος см. *G. Freund* Beiträge zur antiochenischen und kpolitanischen Stadtchronik (Iena 1882 стр. 38 сл.) — О Траянѣ см. *C. de Boor* Hermes 17 (1882) 489—492 и *E. Patzig*, B. Z., III (1894) 470—497.

§ 39. Исихій Милетскій (Ἰσὶχίος Μιλήσιος), прозванный за свой санъ Ἰλλοῦστριος, жилъ, вѣроятно, въ срединѣ VI вѣка. Изъ того обстоятельства, что Исихій въ своемъ перечнѣ именъ не упоминаетъ ни одного отца церкви, издатель одного отрывка этого сочиненія вывелъ предположеніе, не былъ ли Исихій язычникомъ; но уже то обстоятельство, что онъ писалъ, самое раннее, при Юстиніанѣ, говоритъ въ пользу предположенія, что онъ принадлежалъ къ христіанскому вѣроисповѣданію. Исихій оставилъ три сочиненія; два изъ нихъ упоминаются *Фотіемъ* (cod. 69) и *Свидой* и сохранились въ видѣ фрагментовъ, о третьемъ имѣемъ свѣдѣнія только у *Фотія*. 1) «Всемирная исторія» Ἱστορία Ῥωμαϊκῆ καὶ παντοδαπῆ по *Фотію* (cod. 69), *Χρονικὴ ἱστορία* по *Свидѣ*. Сочиненіе было раздѣлено на 6 книгъ, которыя Исихій называлъ διαστήματα (періоды), и обнимало всемірную исторію отъ ассирійскаго царя Бела до императора Анастасія (518). Помимо небольшихъ фрагментовъ, мы обладаемъ большимъ отрывкомъ изъ начала 6-й книги, которая, подъ заглавіемъ Πατρία Κωνσταντινουπόλεως, повѣствуетъ объ исторіи города Византіи до Константина Великаго; она, вѣроятно, рано была отдѣлена отъ всего труда и передавалась самостоятельно. Изъ этой части труда и взяты первый отдѣлъ Πατρία Константиноπόλεως 1). 2) Второе историческое произведеніе Исихія мы знаемъ только по *Фотію* (cod. 69) Это — повѣствованіе о времени правленія императора Юстиніана (518—527) и первыхъ лѣтъ Юстиніана. Будучи съ внѣшней стороны продолженіемъ перваго сочиненія, оно было отдѣлено отъ послѣдняго, очевидно, въ виду иного характера изложенія: первое представляло собою нѣчто въ родѣ всемірной хроники, второе — подробную современную исторію; оно, кажется, окончательно утеряно, и къ тому же еще не удалось выяснитъ его слѣды у позднѣйшихъ авторовъ. Языкъ Исихія въ его историческихъ произведеніяхъ особенно отмѣчается *Фотіемъ*, какъ краткій, мѣткій и элегантный; и дѣйствительно сохранившійся фрагментъ изъ всемірной исторіи позволяетъ обнаружить слѣды простоты и ясной рѣчи, несмотря на то, что онъ много потерялъ отъ передачи. 3) Третьимъ произведеніемъ, изъ-за котораго въ послѣднее время особенно часто упоминался Исихій, былъ по *Свидѣ* Ὀνοματολόγος ἢ πῖναξ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστῶν. Къ этому *Свида* прибавляетъ замѣтку: οὗ ἐπιτομὴ ἐστὶ τοῦτο τὰ βιβλίον. Предполагали, что *Свида* этимъ обозначаетъ свой собственный лексиконъ, какъ выдержку изъ этого оноματοлога; несомнѣнно, однако, эта замѣтка исходитъ отъ составителя нѣкаго болѣе древняго экцерпта

1) До стр. 16,2 Кодина СВ. 2.

изъ оноματοлога и просто переписана *Свидой* безъ всякихъ измѣненій по безпечности, которая характерна для него. Что такой эксцерптъ существовалъ, вполне точно установлено и удалось даже точнѣе опредѣлить время его возникновенія и его характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и время возникновенія и характеръ оригинала. Оноματοлогъ Исихія содержалъ біографіи всѣхъ знаменитыхъ писателей всего эллинскаго міра; онѣ были сгруппированы по литературнымъ родамъ, а именно, сначала шла рѣчь о поэтахъ, затѣмъ о философахъ, затѣмъ объ историкахъ, далѣе объ ораторахъ и софистахъ, наконецъ о грамматикахъ, врачахъ, астрологахъ, и т. п.; христіанскіе авторы не вошли въ сочиненіе, которое, очевидно, носило филологически-антикварный характеръ; источникомъ второго порядка, среди прочихъ сочиненій, служилъ Исихію трудъ Филона изъ Библоса. Позже неизвѣстный авторъ предпринялъ новую обработку оноματοлога, причемъ частью сократилъ оригинальное произведеніе, частью, удовлетворяя потребности своего времени, прибавилъ около 3-хъ дюжинъ статей о христіанскихъ писателяхъ. Раздѣленіе на главы онъ замѣнилъ алфавитнымъ порядкомъ. Для своихъ дополненій о христіанскихъ писателяхъ онъ взялъ сдѣланный Софроніемъ переводъ *Viri illustres* Иеронима, церковныя исторіи Евсевія, Филосторгія и Теодора Чтеца, наконецъ, нѣкоторыя, снабженныя біографическими свѣдѣніями заголовки церковныхъ сочиненій. Это извлеченіе, какъ доказываетъ большое совпаденіе въ біографическихъ замѣткахъ и объ языческихъ и о христіанскихъ писателяхъ, было использовано не только *Свидой* для его лексикона, но и *Фотіемъ* для его «Библиотеки». Изъ послѣдняго факта и изъ того обстоятельства, что въ извлеченіи было упомянуто составленное Игнатіемъ житіе патріарха Никифора († 829), получается тотъ выводъ, что извлеченіе составлено между 829—857 г.г. Оригинальное сочиненіе Исихія и алфавитное извлеченіе потеряны для насъ, за исключеніемъ упомянутыхъ остатковъ у Фотія и *Свиды*. Взамѣнъ ихъ у насъ есть маленькая и совершенно бесполезная книженка съ широковыщательнымъ заглавіемъ: *Περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαμπάντων σοφῶν*, въ которой раньше видѣли произведеніе Исихія. Въ дѣйствительности это сочиненіе представляетъ собой, какъ это обнаружилъ *Lehrs*, возникшую въ эпоху гуманизма жалкую компіляцію изъ Діогена Лаэртія и *Свиды*. *Flach* недавно пытался реконструировать старое подлинное Исихія на основаніи *Свиды* и другихъ авторовъ (подложной Евдокіи тоже!). Все предпріятіе это виситъ въ извѣстномъ смыслѣ въ воздухѣ; *Flach* позволяетъ себѣ предположить во всѣхъ біографическихъ глоссахъ *Свиды* о лицахъ, жившихъ до и послѣ Исихія, источникъ этого послѣдняго; сколько и здѣсь остается чуждаго, сколько дѣйствительно принадлежащаго Исихію будетъ отсутствовать, объ этомъ не сможетъ сказать ни одинъ смертный.

Изданія. О болѣе древнихъ см. изданія *Orelli* и *Flach*'а.—Полное изданіе (историческій фрагментъ и Псевдо-Исихія): *Hesychii Milesii opuscula duo quae supersunt* rec. *Jo. Conr. Orelli* (Lipsiae 1820), толстая книга, со-

держащая кромѣ 73 страницъ текста съ латинскимъ переводомъ на 320 стр., разные дополненія, какъ-то: комментарий прежнихъ издателей, трактатъ *Thorschmid* и часть *Heyne* *Comment. de antiqu. Byzant.* и др.—Послѣ *Orelli* оба произведенія издалъ *C. Müller* FH G. 4, 143—177 (съ хорошимъ критическимъ аппаратомъ къ историческому фрагменту).—Не включенный въ собраніе *Müller*'а фрагментъ о времени рожденія Христа (*Ἡσυχίου ἐκ τοῦ εἰς τὴν Χριστὸν γέννησιν*) изд. *Du Cange* вмѣстѣ съ пасхальной хроникой, *СВ* II 116 сл. и *Hody* въ пролегоменахъ къ Малалѣ *СВ* стр. LII сл. Псевдо-Исихія изд. съ богатымъ критическимъ аппаратомъ *ВТ*, но безъ достаточной точности установленнаго текста *Jo. Flach* Leipzig *ВЛ*. 1880.—Реконструированнаго Исихія *Hesychii Mylesii Onomatologia quae supersunt cum prolegomenis* ed. *Jo. Flach* (Leipzig 1882). Затѣмъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ не-исихіевыхъ житій, но съ опущеніемъ введенія и критическаго аппарата издалъ въ дешевомъ изданіи для студентовъ *Jo. Flach* подъ новымъ названіемъ: *Biographi Graeci qui ab Hesychio pendent* Berlin, Calvary 1883.

§ 40. Іоаннъ Малала (*Μαλάλας*, также *Μαλέλας*) изъ Антиохіи Сирійской. Обстоятельства его жизни совершенно неизвѣстны. По его прозвищу можно только предполагать, что онъ былъ огреченный сиріецъ и служилъ проповѣдникомъ. Самое установленіе времени его жизни наталкивалось на большія затрудненія; однако новѣйшимъ изслѣдователямъ удалось установить съ полнѣйшей точностью, что онъ былъ современникомъ императоровъ Анастасія I, Юстина I, Юстиніана I и Юстина II. Малала составилъ всемірную хронику (*χρονογραφία*), которая въ единственной сохранившейся, но попорченной въ концѣ и началѣ рукописи, начинающейся отъ баснословной исторіи египтянъ, доходитъ до послѣднихъ лѣтъ Юстиніана (563), но первоначально навѣрное была доведена до смерти этого императора (565), возможно даже до 573 года. Хроника Малалы столь же жалка сама по себѣ, сколь важна въ исторіи литературы; ибо въ ней впервые, по крайней мѣрѣ, насколько до сихъ поръ извѣстно, выступаетъ важный для исторіи культуры и литературы историческій типъ христіанско-византійской монашеской хроники. Характеристика этого труда разъяснить пониманіе этого вида литературы. Малала отличается по своей историографической технику, концепціи и изображенію грубостью, не слыханной до этого времени въ исторической литературѣ. Будучи самъ лишенъ всякой утонченной образованности, онъ пишетъ не для высокообразованной публики, а для огромной массы монаховъ и мірянъ, которые хотятъ быть освѣдомлены удобнымъ и занимательнымъ образомъ о ходѣ всемірной исторіи, для тѣхъ круговъ, которые находятъ удовольствіе въ простодушныхъ, живыхъ легендахъ какого-нибудь Леонтія Неапольскаго и тому подобныхъ популярныхъ произведеніяхъ. Малала отказывается отъ тщеславнаго стремленія сравняться съ Фукидидомъ или Полиемъ и порываетъ съ принципами прагматизма и со всею историографической традиціей, царствующей нерушимо во всей эллинской и византійской историографіи; въ этомъ отношеніи онъ «всеому учился у себя самого, и все у него складывается по своему». Его критеріемъ является потребность и удовольствіе толпы. Чисто народнымъ языкомъ сбивчиво перечисляется здѣсь громадная масса фактовъ; съ одинаковой серьезностью излагается, какъ

важное, такъ и незначительное. Центр тяжести лежитъ на отдаленныхъ, вырванныхъ изъ общей связи, событіяхъ, особенно на такихъ, которыя относятся къ области курьезнаго. Подробныя изображенія личностей выдѣляются на протяженіи всего труда. Изложеніе мифовъ и героическихъ разсказовъ преслѣдуетъ христіанско-апологетическую цѣль; ужасы язычества въ родѣ человѣческихъ жертвоприношеній при основаніи городовъ отмѣчаются съ особою любовью. Столь же характерно для тенденціи этой книги корректное отношеніе къ свѣтской власти. Какъ бы проявленіемъ шепетильной внимательности къ монархіи является полнѣйшее равнодушіе по отношенію къ римской республикѣ, изъ исторіи которой Малала не смогъ разсказать ничего другаго, кромѣ завоеванія Рима галлами подъ начальствомъ Бренна. Повсюду сквозитъ намѣреніе дать необразованнымъ массамъ пріятное, не затрагивающее ни трона, ни алтаря, и все-таки пикантное, занимательное и понятное чтеніе. Итакъ этотъ трудъ является исторической книжкой для народа въ полномъ смыслѣ этого слова.

Немалое вниманіе привлекаетъ къ себѣ вопросъ, изъ какихъ источниковъ составилось такое рѣдкое и стройное произведеніе. Къ сожалѣнію, Малала сдѣлалъ изслѣдованіе своихъ источниковъ довольно-таки тяжелой задачей; его произведеніе и въ этомъ отношеніи настоящая популярная книжка, въ которой широко проявился грубый расчетъ на простыя вѣрованія простодушнаго круга читателей. Онъ цитируетъ съ хвастливымъ довольствомъ цѣлую уйму авторовъ; по какимъ онъ дѣйствительно пользовался и преимущественно, это теперь установить болѣе или менѣе прочно не возможно. Во всякомъ случаѣ, онъ существенно варваризировалъ свои оригиналы, такъ какъ не понималъ ни фактовъ, ни древнегреческихъ оборотовъ своихъ источниковъ, не говоря уже о латинскихъ и прочихъ иностранныхъ выраженіяхъ¹⁾. Обычно предполагаютъ, что основнымъ источникомъ для Малалы служилъ Юлій Африканъ, но и этого нельзя доказать. Несомнѣнно только то, что между Африканомъ и Малалой стоятъ нѣкоторые, потерянные для насъ, посредники; это—многократно цитируемые имъ хронографы: Несторіанъ, составившій хронику до Льва II (474)²⁾, Павзаній, Домнинъ, Теофилъ и Тимофей. Пользовался онъ и таблицами постовъ и городской лѣтописью Антиохіи. О болѣе близкомъ времени (начиная съ императора Зинона) Малала освѣдомлялся, какъ онъ самъ на то намекаетъ въ предисловіи, чрезъ сообщенія своихъ старшихъ современниковъ. Въ своихъ троянскихъ разсказахъ онъ ссылается на произведенія Диктиса Критскаго и Сисифа Косскаго. Большое пристрастіе (какъ позже Георгій Монахъ и Глика) питаетъ Малала къ баснословнымъ разсказамъ національнаго и рели-

¹⁾ Такъ, изъ triumph у него напримѣръ получается чрезъ смѣшеніе со словами на -ator (triumphator) триумфаторъ.

²⁾ Стр. 376, 19 СВ.

гіознаго характера, среди которыхъ особенно выдаются апокрифическія дѣянія апостоловъ.

Центромъ, изъ котораго Малала разсматриваетъ міровныя событія, является его любимый родной городъ Антиохія; его трудъ представляется прямо-таки городской хроникой, переплетенной затѣмъ со всемірной исторіей. Равнымъ образомъ и конецъ сочиненія, трактующей преимущественно о событіяхъ въ столицѣ, походить на пространную городскую хронику Константинополя. О критическомъ разсмотрѣніи или даже объ осмысленной обработкѣ источниковъ не можетъ быть и рѣчи. Можно было бы написать цѣлую книгу при желаніи указать причудливыя искаженія фактовъ и смѣшныя ошибки этого разсказчика. Лесбійская поэтесса Сафо у него превратилась въ современницу Кекропса и Краная¹⁾; въ то время, какъ философъ Демокритъ изъ Абдеры²⁾ отодвигается въ сѣдую древность Пелопса; Геродотъ волей неволей становится послѣдователемъ Поливія³⁾, Цицеронъ и Саллюстій⁴⁾ для Малалы мудрые римскіе поэты; область Карія, по его мнѣнію, потому такъ называется, что покорена императоромъ Каромъ⁵⁾; у циклопа въ драмѣ Еврипида три глаза⁶⁾ и т. п.

И вся композиція также не стройна, какъ обработка частностей; она пеетритъ повторами и непослѣдовательностями.

Самаго большаго вниманія заслуживаетъ языкъ этого автора. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ трудѣ Малалы мы имѣемъ первый болѣе обширный памятникъ народнаго греческаго языка. Въ его слогѣ отражается распространенный по всему Востоку, перемѣшанный съ латинскими и восточными элементами греческій простонародный языкъ. Во всемъ произведеніи такъ сильно сказывается народно-греческій складъ рѣчи, что оно при незначительныхъ морфологическихъ и лексическихъ измѣненіяхъ допускаетъ дословный переводъ на ново-греческій языкъ. Тѣ зачатки народнаго языка, которые съ александрійскихъ временъ проявлялись лишь робко и въ одиночку, достигли здѣсь своего развитія⁷⁾.

Несмотря на всю свою наивность и при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Малала нашелъ правильный путь, расширивъ, съ одной стороны узкія рамки антиохійской городской хроники до всемірной исторіи, хотя и несовершенной, и съ другой стороны—пойдя своимъ наивнымъ пониманіемъ и вульгарнымъ изображеніемъ навстрѣчу вкусамъ и потребностямъ христіански образованныхъ и монархически чувствующихъ народныхъ массъ. Этимъ объясняется то, что онъ скоро приобрѣлъ сильную популярность среди публики и оказалъ сильное вліяніе на послѣдующее время.

¹⁾ Стр. 72, АВ.

²⁾ Стр. 85, 3.

³⁾ Стр. 157, 19.

⁴⁾ Стр. 212, 18.

⁵⁾ Стр. 117, 1.

⁶⁾ Стр. 117, 1.

⁷⁾ Въ отношеніи къ исторіи языка Малала прекрасно разработана Хаджидакисомъ въ Юбилейномъ сборникѣ Аѳинскаго Университета 1888 стр. 117 сл.

Воздѣйствіе Малалы на послѣдующую византійскую, восточную и славянскую, даже западную анналистику, дѣйствительно, неизмѣримо. Оно не можетъ быть здѣсь прослѣжено и раскрыто въ полномъ объемѣ. Все же должны быть по крайней мѣрѣ упомянуты хотя главнѣйшіе факты, тѣмъ болѣе, что они бросаютъ въ свою очередь свѣтъ на основной составъ и характеръ весьма попорченнаго въ рукописной традиціи произведенія. Первымъ авторомъ, у котораго можно обнаружить пользованіе Малалой, является Іоаннъ Ефесскій: онъ почерпнулъ изъ Малалы для своей составленной на сирийскомъ языкѣ исторіи церкви замѣтки о землетрясеніи, разрушившемъ въ 526 году Антиохію, и нѣкоторыя другія извѣстія до 581 года. Черезъ его посредство вошло наслѣдіе Малалы въ XIII вѣкѣ въ цѣнную хронику Баръ-Ебрея. Другой землякъ Малалы историкъ церкви Евагрію, также пользовался имъ, цитируя его до 594 года подъ именемъ «Іоанна Ритора». Остаткомъ рукописныхъ матеріаловъ отъ конца VI или VII вѣка являются тускуланскіе фрагменты, которые издалъ *A. Mai* изъ листовъ палимпсестовъ въ Гротта-Ферратѣ и которые *E. Patzig* призналъ принадлежащими Малалѣ. Широчайшимъ образомъ вскорѣ послѣ 610 года воспользовался Малалой его землякъ Іоаннъ Антиохійскій, причемъ даже и тамъ, гдѣ выраженія не совпадаютъ, появляется у него вульгарная форма источника. Около того же времени авторъ пасхальной хроники дословно выписалъ изъ Малалы столь большіе отрывки, что эта хроника служитъ теперь главнымъ источникомъ для критики и восстановленія текста Малалы. Приблизительно въ концѣ VII столѣтія Іоаннъ, епископъ Никію, включилъ многочисленныя отрывки изъ Малалы въ свою сохранившуюся для насъ только въ эѳіопскомъ переводѣ всемірную хронику. Около 740 года еще разъ использовалъ сирийца землякъ, хотя и нѣсколько дальній, Іоаннъ Дамаскинъ, сообщивъ въ третьей своей бесѣдѣ объ иконахъ рассказъ изъ хроники Малалы ἐκ τῆς χρονολογίας Ἰωάννου Ἀντιοχείας τοῦ καὶ Μαλάλας о кровотоковой женщинѣ¹⁾. Вѣроятно, еще въ VIII вѣкѣ авторъ латинскаго сочиненія о хронологіи вочеловѣченія Христова, такъ называемаго *Chronicon Palatinum*, сохранившагося въ *Cod. Vatic. Pal. 277*, заимствовалъ свой историческій матеріалъ изъ Малалы. Въ началѣ IX столѣтія широко эксцерпировалъ Малалу Теофанъ, а приблизительно въ послѣдней трети того же столѣтія—Георгій Монахъ. Нѣсколько позже Георгія Монаха—около 889 года—списалъ Малалу дословно нѣкій анонимный хронистъ, къ которому восходитъ изданная *Cramer*’омъ въ *Anecd. Paris. 2, 165* сл. *Ἐκλογὴ ἱστορίων*. Въ X столѣтіи Малала появляется въ Константиновскихъ эксцерптахъ, съ очень важными, однако, дополненіями, которыя отсутствуютъ въ нашемъ Малалѣ и должны быть разсматриваемы, какъ позднѣйшія дополненія. Наконецъ, Кедринъ въ XI столѣтіи соединяетъ многочисленныя отрывки Малалы, почерпнутыя имъ изъ различныхъ посредствующихъ источниковъ (напр., изъ компіляціи въ *cod. Paris 1712*), въ своей обширной

¹⁾ *PG, XCIV, 1369* и слѣд.=Malalas *CB 236—239*.

всемирной хроникѣ. Наконецъ, необходимо обратить вниманіе на вліяніе Малалы на славянскіе и близко къ нимъ стоящіе въ культурномъ отношеніи народы. Первоначальный полный славянский переводъ, составленный пресвитеромъ Григоріемъ въ правленіе болгарскаго князя Симеона (893—927), утерянъ; незначительныя отрывки его остаются во многихъ славянскихъ сборникахъ русской редакціи, древность которыхъ, однако, къ сожалѣнію, не восходитъ далѣе XIII вѣка. Малала проникъ даже на Кавказъ; грузинскій переводъ его сочиненія сохраняется въ одной рукописи X—XI столѣтія Тифлискаго церковнаго архива (сообщеніе *A. С. Хазанова*).

Малала столь обильно въ теченіи шести столѣтій оплодотворяла всю народную популярно-историческую литературу, что постепенно самъ сталъ излишнимъ; то, что въ немъ нравилось столькимъ поколѣніямъ, богатство рассказовъ и диковинокъ и наивный народный тонъ, перешло въ другія произведенія, а эти послѣднія обладали тѣмъ великимъ преимуществомъ передъ Малалой, что дополняли его матеріалъ соответствующимъ вкусомъ времени образомъ и доводили рассказъ до современности. Да и языкъ Малалы могъ показаться читателю XII вѣка уже нѣсколько старомоднымъ. Потому вполне естественно, что произведеніе сирийца, сдѣлавъ свое дѣло, пришло въ забвеніе и больше не переписывалось; въ то время какъ мы обладаемъ безчисленнымъ количествомъ рукописей Теофана, Георгія Монаха, Зонары, Манассы, Глики и другихъ хронистовъ IX—XII столѣтій, Малала сохранился только въ одномъ единственномъ экземплярѣ, въ Оксфордѣ (*Cod. Bodl. Barossianus 128, XII вѣка*). Къ сожалѣнію рукопись эта содержитъ лишь сокращенную редакцію. Это уже установлено; насколько, однако, эта редакція уклоняется въ частностяхъ отъ первоначальнаго текста, это еще недостаточно выяснено. Какъ кажется, редакторъ не съ одинаковымъ вниманіемъ относился ко всѣмъ частямъ; въ первыхъ 17 книгахъ онъ ограничился, вѣроятно, рѣдкими пропусками да стилистическими упрощеніями; въ 18-й книгѣ онъ произвелъ болѣе обширныя сокращенія. Нѣкоторые пропуски произошли отъ неряшливости переписчика (вслѣдствіе одинаковыхъ окончаній и т. п.). Первая книга, начало второй и конецъ послѣдней утераны, такъ какъ выпали листы; на пробѣлъ въ оригиналѣ оксфордской рукописи указываетъ отсутствіе отрывка политической исторіи¹⁾ отъ смерти Каракаллы (217 г. по Р. X.) до вступленія на престолъ Валеріана (253 г. по Р. X.). Фактъ, что оксфордская рукопись представляетъ собою сокращенную редакцію оригинала, выяснился всецѣло изъ сравненія съ тускуланскими фрагментами, съ частями Малалы въ пасхальной хроникѣ и у Теофана, съ изданными *Моммсеномъ* въ *Nemes 6, 362* сл. константиновскими эксцерптами *περί ἐπιβολῶν* и съ славянскими обработками. Этими-то, а также другими позднѣйшими трудами и эксцерптами слѣдуетъ пользоваться и для восстановленія первоначаль-

¹⁾ *CB 295, 16*.

наго текста. Такъ, первая книга, отсутствующая въ оксфордской рукописи, почти цѣликомъ возстановляется на основаніи эксцерптовъ изъ Cod. Paris. 1336 (*Cramer An. Paris.* 2, 231 сл.), фрагментовъ изъ Cod. Paris. 1630, изданнаго *A. Wirth*омъ Cod. Paris. Suppl. gr. 682 X вѣка и отрывковъ Малалы, легко обнаруживаемыхъ въ пасхальной хроникѣ. Особенно важень Cod. Paris. Suppl. gr. 682, содержащій извѣстное ранѣе только въ славянскомъ переводѣ предисловіе Малалы (вмѣстѣ съ началомъ первой книги). Въ частности, конечно, многое остается шаткимъ, и особенно при пользованіи константиновскими эксцерптами, которые часто даютъ, повидимому, дополненія къ оригиналу, необходима большая осторожность. Пока по вопросу о томъ, насколько они, равно какъ и другія выдержки и обработки представляютъ собою подлиннаго Малалу, среди специалистовъ не достигнуто большого единенія, почему въ настоящій моментъ всякій планъ новаго изданія этого сочиненія слѣдуетъ признать преждевременнымъ. Важнымъ, но еще не осуществленнымъ условіемъ является критическое изданіе находящихся въ зависимости отъ Малалы славянскихъ хроникъ, хотя онъ врядъ ли оправдаютъ большія надежды, возлагавшіяся на нихъ нѣкоторыми изслѣдователями. Существенное значеніе имѣетъ достигнутая при помощи вышеупомянутаго сравненія позднѣйшихъ оглашеній Малалы увѣренность въ томъ, что редакторъ оксфордскаго экземпляра сохранилъ языкъ и стиль первоначальнаго Малалы въ общемъ не измѣненными: сокративъ кое-что стилистически, онъ не старался подвергать наивный народный языкъ произведеній рѣшительнымъ исправленіямъ. Поэтому Малалу, несмотря на плохое состояніе рукописной традиціи (за исключеніемъ составленнаго послѣ 565 или 573 г. заключительнаго отрывка, обнимающаго въ сохранившемся экземплярѣ лишь немного страницъ), слѣдуетъ разсматривать, какъ памятникъ для исторіи языка второй трети VI столѣтія.

Въ заключеніи, наконецъ, укажемъ еще на нѣкоторые спорные вопросы. Дѣло идетъ о первоначальной формѣ и объемѣ сочиненія, о времени его составленія и объ отношеніи заключительной части къ цѣлому. Нашего Малалу объявили греко-сирийской вульгаризаціей какого-то болѣе благороднаго произведенія; нельзя, однако, достаточно обосновать такого утвержденія. Несмотря на сокращенія и видоизмѣненія, которымъ подверглось первоначальное произведеніе, мы можемъ въ общемъ возстановить оригиналъ, дополнивъ и исправивъ связную традицію оксфордской рукописи восходящими къ полному Малалѣ отрывками у переписчиковъ и редакторовъ; общее историческое пониманіе и колоритъ изображенія отъ этого, однако, не терпятъ существенныхъ измѣненій. Только въ одномъ принципиальномъ пунктѣ сочиненіе, какъ кажется, подверглось обработкѣ: Малала былъ монофизитъ, и слѣды его монофизитскихъ воззрѣній сгладили въ послѣдствіи православный редакторъ; но нѣкоторые предательскіе остатки сохранились.

Относительно первоначальнаго объема произведенія до сихъ поръ предполагали, что оно окончивалось смертью Юстиніана:

такъ какъ, однако, въ упомянутыхъ латинскихъ эксцерптахъ въ Палатинской хроникѣ перечень императоровъ оканчивается девятымъ годомъ правленія Юстина II, то отсюда слѣдуетъ, что Малала довелъ свой трудъ до 573 г.—если только, какъ это наблюдается въ столькихъ позднѣйшихъ спискахъ хроникъ, читатель не удлинилъ нѣсколько въ экземплярѣ, которымъ пользовались латиняне, первоначальнаго текста дополненіемъ хронологическихъ замѣтокъ. Кончалось ли сочиненіе 565 или 573 годомъ, вполне установленнымъ остается тотъ фактъ, что Малала повѣствуетъ о правленіи Юстиніана, какъ современникъ. Различныя вѣскія основанія говорятъ за предположеніе, что сочиненіе вышло въ свѣтъ двумя далеко по времени другъ отъ друга отстоящими изданіями. Первые 17 книгъ, а можетъ быть, и начало 18-й книги, которая обнаруживаетъ антиохійскій кругозоръ автора, написаны, вѣроятно, между 528 и 540 г. и около того же времени и изданы; остальная часть 18-й книги, центромъ которой неожиданно является Константинополь, закончена была лишь по смерти Юстиніана и опубликована въ связи съ первымъ изданіемъ или вскорѣ послѣ 565 г. или, если можно вѣрить латинскому отрывку, послѣ 573 г. Конечъ 18-й книги, очевидно, написанъ въ Константинополь, и составитель, вѣроятно, пользовался также анналами этого города; поэтому онъ считается чужой припиской. Въ пользу такого предположенія говорятъ вѣскія основанія. Можно было бы, конечно, предположить, что Малала, вслѣдствіе завоеванія Сиріи и разрушенія Антиохіи Хосроемъ въ 540 году, переселился подобно другимъ антиохійцамъ, въ Константинополь и задумалъ тамъ продолжать свой трудъ. Но бросается въ глаза то обстоятельство, что Евагрію, а также авторъ пасхальной хроники пользовались Малалой, заканчивавшимся 17-й книгой (Юстиніаномъ I). Относительно Евагрія можно было бы, пожалуй, предположить, что второе изданіе Малалы, появившееся, по всей вѣроятности, въ Константинополь, не было распространеннымъ въ Сиріи; но тогда, по крайней мѣрѣ, авторъ пасхальной хроники, который, весьма вѣроятно, составлялъ свой трудъ въ Константинополь, долженъ былъ бы его узнать. Съ другой стороны Іоаннъ Ефесскій, писавшій до Евагрія и пасхальнаго хрониста, пользовался по всѣмъ признакамъ полнымъ сочиненіемъ въ 18 книгъ, а латинскій эксцерпторъ обладалъ экземпляромъ, который доходилъ даже до 573 г. Главнымъ же образомъ противъ единства труда говорить то наблюденіе, что въ 18-й книгѣ съ нами говорить не монофизитъ, какъ въ предыдущихъ книгахъ, а православный. Вполнѣ этотъ вопросъ еще не разъясненъ, да, вѣроятно, разъясненъ никогда и не будетъ.

Изданія: ed. gr. *Edm. Chilmeadus* (Oxonii 1691) съ комментариемъ и латинскимъ переводомъ издателя, съ очеркомъ *H. Hody* и знаменитой *Epistola K. Bentley* къ *J. Mill.*—Плохая перепечатка въ *CV* 1733 (съ *Генесіемъ*).— Въ *CB* rec. *L. Dindorf* (Вопнае 1831) съ приложеніемъ ed. gr. безъ достойной упоминанія самостоятельной обработки.— Повторено *PG* CXVII, 9—790.— Сохранявшееся въ Cod. Paris. Suppl. gr. 682 предисловіе вмѣстѣ съ началомъ первой книги издаль—ошибочно подъ именемъ Іоанна Антиохійскаго—

A. Wirth, Chronographische Späne (Frankfurt a. M. 1894), стр. 3—19.—Критическое и на основании новых исследований дополненное издание «принесло бы изучению столь же занимательной, как и презираемой эпохи большую услугу» (Мом. мсенз).—Подготовительными работами к новому изданию занять С. Е. Gleze. Использовать при изучении Малалы связано и полно славянской материал является еще потребностью, которой может, однако, удовлетворить лишь хорошо сведущий в обоих языках ученый. Предварительные работы прозвель и в этой области С. Е. Gleze.

§ 41. Иоанн Антиохийский (Ἰωάννης Ἀντιοχεύς) определенно называется и в исторических эксерптах и у Цеца автором хроники, и нельзя сомневаться в существовании этого человека и составленного им исторического труда. Напротив, относительно его личности и времени его жизни, равно как и характера и объема труда царит густой мрак, который хотя несколько и разрешился в последние годы, но не прояснился еще окончательно. Подобно Малалу, Иоанн был родом из Антиохии, почему он и смещивался часто с первым; он принадлежал к кругу сиро-палестинских литераторов, которые мощно выступают в VI и VII столетии в историографии, хронистике, а также в риторике и агиографии. Время его писательской деятельности падает, вероятно на правление Ираклия. Гельцер предполагал, что этот Иоанн тождествен с монофизитским патриархом Иоанном, который с 631—649 г.г. занимал патриаршью кафедру в Антиохии. Если это справедливо и если можно доверять несколько подозрительной замечке в конце константиновских эксерптов («de virtutibus»: τέλος τῆς ἱστορίας Ἰωάννου μοναχοῦ, то он, вероятно, закончил свой труд монахом до вступления на патриаршество, следовательно между 610 г., которым кончается хроника, и 631 г. Но вся эта комбинация покоится на шатких основаниях. Более подробное изучение дошедших до нас под именем Иоанна отрывков приводит к выводу, что его труд был всемирной хроникой, простиравшейся от Адама до смерти императора Фоки (610 г.). Она цитируется в константиновских эксерптах, как «Ἱστορία χρονική или просто как Ἱστορία, в Cod. Paris. 1763 как Ἀρχαιολογία, в Cod. Paris 1630, как Ἐξέσις περί χρόνων καὶ κτίσεως κόσμου. Иоанн хотел, как кажется, замечить труд Малалы более полным и лучшим произведением, настоящей всемирной историей. С этой целью он оставил слишком партикулярническую точку зрения Малалы, для которого Антиохия является центром мирового мира, включил в рассмотрение иудейскую историю, посвятил более внимания истории римских императоров и обратился к более надежным древним источникам, которые он, насколько можно видеть, обработал с большим пониманием, чем Малала. Правда, попытка более точно определить эти источники наталкивается вследствие ненадежной и отрывочной традиции сочинения Иоанна на существенные затруднения. Для более древних времен Иоанн заимствовал материал, вероятно, у Юлия Африкана и Евсевия, для истории римских императоров — у

патрикия Петра, у Евтропия (которым он пользовался, вероятно, не в дошедшем до нас, составленном около 380 г. переводом Пэания, а в перевод Капитона около 500 г.) у Аммиана Марцелина, у одного из источников Прокопия и в широком размахе у Малалы; для троянских рассказов он привлекал наряду с Малалой также Диксиса. Напротив того, не состоящий Иоанн, т. е. середина констативских эксерптов (см. ниже) является компиляцией из Диона Кассия, Евтропия, Плутарха, Иродiana, Евнапия, Зосимы, Приска и церковной истории Сократа.

Если Малала сохранился по крайней мере в связанном, хотя и в сокращенном и искаженном виде, то Иоанн сохранился лишь фрагментарно. Многочисленные и обширные, доходящие до Фоки отрывки содержатся в константиновских сборниках: «de virtutibus» и «de insidiis», довольно скудные, доходящие до Валентина III, — в написанном Салмасием Cod. Paris. 1763; более подробные, но обрывающиеся уже на мионической истории — в Cod. Paris. 1630; некоторые более обширные отрывки из «Троянских рассказов» находим в одной хронике, известной под именем Иоанна Сицилийца в Cod. Vindob. hist. 99. С константиновскими эксерптами и содержащимися в списке Салмасия отрывками, которые носят имя Иоанна, связан большой спорный вопрос, от решения которого зависит и общее суждение об Иоанне; здесь он может быть только намечен. Дело в том, что середина константиновских эксерптов (от римской республики до Юстина I) отличается от параллельного салмасиевского отрывка по содержанию, объему и источникам как небо от земли, и не может (как это превосходно доказали независимо друг от друга Comriadius и Boissevain) восходить к одному и тому же происхождению. Константиновские эксерпты этого отрывка носят характер эллинистически-прагматической историографии, салмасиевские характер христианско-византийской хроники. Эти два ряда эксерптов имеют в виду, когда говорят, в сущности неправильно, о «константиновском» и «салмасиевском» Иоанне. Comriadius отыскивал подлинного Иоанна в константиновских эксерптах и отрицал принадлежность ему салмасиевских. Напротив Patzig доказывал, что подлинный Иоанн — салмасиевский и что наоборот константиновский является позднейшей компиляцией. Аргументация его сводится к следующим пунктам: с помощью фрагментов из Cod. Paris. 1630 и изрядного количества глоссы Свиды возможно доказать, что салмасиевский и константиновский Иоанн имело общее начало; так как, однако, салмасиевский Иоанн установлен может быть обнаружен в одном прочно установленном изводе нескольких хронистов, константиновский же текст появляется только в X столетии, то, следовательно, салмасиевские эксерпты представляют собою древнейшее, первоначальное сочинение, тогда как константиновский средний отрывок является позднейшей компиляцией, возникшей, вероятно,

въ Фотіеву эпоху литературнаго возрожденія и соединенной по какой-то причинѣ съ началомъ и концомъ подлиннаго труда Іоанна. Этимъ объясняется и двѣ цитаты въ *Πάτρια τῆς πόλεως* ¹⁾ и у Цеца, которыя отодвигаютъ Іоанна въ позднѣйшую эпоху, по крайней мѣрѣ, во вторую половину IX вѣка. Частности весьма запутанной аргументаціи не могутъ быть здѣсь изложены, равно, какъ и тѣ сомнѣнія, которыя остаются и послѣ этого новѣйшаго обсужденія вопроса. Чтобы вполне уяснить себѣ его современное положеніе, необходимо было бы изложить факты, касающіеся исторіи текста и рукописи въ такомъ объемѣ, что данный параграфъ вышелъ бы изъ рамокъ руководства и получилъ бы характеръ монографіи.

Дальнѣйшее вліяніе Іоанна на лѣтописные труды и вообще на литературу обнаруживается совершенно ясно. Кромѣ вышеупомянутыхъ эксцерпторовъ, его сочиненіемъ пользовался Цець и цѣлый рядъ хронистовъ. Послѣдніе распадаются по ихъ отношенію къ Іоанну на двѣ группы: Симеонъ, магистръ и логоетъ, и всѣ списывавшіе его (какъ Левъ Грамматикъ, Кедринъ и составитель изданной *Muralt* редакціи Георгія Монаха, черпаютъ изъ компиляціи, которая названа *Patzig* оми «*Leoquelle*», и въ которой хроника Іоанна была обогащена церковно-историческими свѣдѣніями; напротивъ, Манассъ пользовался салмасіевскимъ Іоанномъ въ его первоначальномъ видѣ, т. е. безъ церковно-историческихъ дополненій. Константиновскимъ Іоанномъ пользовались также позднѣйшіе писатели, напр. *Свида*, Кедринъ, Цець и Плануда.

Изданія: Эсцерпты *Cod. Paris. 1763* (*Excerpta Salmasiana*), издалъ *J. A. Cramer*, An. Paris. 2 (1839) 383—401.—Эти эсцерпты вмѣстѣ съ константиновскими и изъ *Cod. Paris. 1630* въ хронологическомъ порядкѣ и съ указаніями источниковъ издалъ *C. Müller* FHG IV, 535—622; V, 27—28.—Варианты къ салмасіевскимъ эсцерптамъ далъ изъ *Cod. Paris 3026 C. V. (ittelli)*. Stud. Itar. di filol. classica 3 (1895) 382—384. Тѣ же фрагменты содержатся въ *Cod. Neapol. P. D. 4* (ранше I. E. 22); ср. *H. Gelzer* BZ, 3 (1184) 394.—Отрывки изъ Іоанна Силиційца (*Cod. Vindob. 99*) издалъ, къ сожалѣнію, частично и неточно, *A. Heinrich*, Die Chronik des Ioannes Sikeliotes der Wiener Hofbibliothek. Progr. Graz. 1892, стр. 1—10.

§ 42. Пасхальная хроника. Условнымъ именемъ *Chronicon Paschale* т. е. пасхальной хроники (вслѣдствіе лежащаго въ основѣ христіанской хронологіи пасхальнаго канона), также *Chronicon Alexandrinum*, *Chronicon Constantinopolitanum* или *Fastisculi*, обозначается объемистое хронологическое сочиненіе самимъ составителемъ озаглавленное: Ἐπιτομή χρόνων τῶν ἀπὸ Ἀδάμ τοῦ πρωτοπλάστου ἀνθρώπου ἕως καὶ ἔτους τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ μετὰ ὑπατεῖαν ἔτους ιθ' καὶ ιη' ἔτους τῆς βασιλείας Ἡρακλείου νέου Κωνσταντίνου τοῦ αὐτοῦ υἱοῦ ἰνδικτιῶνος γ'.

Пасхальная хроника, наряду съ Евсевіемъ и Синкелломъ основное по содержанію и вліянію произведеніе греко-

¹⁾ *Banduri*, Imp. Orient. I, III p. 29.

христіанской хронографіи, состоитъ изъ расширеннаго и разукрашеннаго многими вставками и историческими замѣтками хронологическаго перечня событій отъ сотворенія Адама до 629 г. по Р. X. Однако, единственная подлежащая разсмотрѣнію рукопись, испорченная въ началѣ и концѣ, обрывается уже на 627 г. Самой хроникѣ предпослано вступленіе, содержащее компилятивныя разсужденія о христіанскомъ лѣтоисчисленіи и объ исчисленіи пасхи. Составитель хроники былъ современникомъ императора Ираклія (610—641), и, по всей вѣроятности, духовнымъ лицомъ, вѣроятно изъ свиты вселенскаго патріарха Сергія, личность котораго замѣтно выдвинута въ хроникѣ въ особенности, какъ творца литургическихъ нововведеній. Время составленія этого сочиненія, заканчивающагося 629 г., можетъ быть поэтому съ достовѣрностью отнесено къ послѣдному десятилѣтію царствованія Ираклія. Распространенная ранѣе гипотеза о существованіи болѣе старой редакціи времени Констанціи, которая будто бы заканчивалась 354 г. и затѣмъ нашла себѣ продолженіе во время Ираклія теперь отпала послѣ глубокихъ изслѣдованій *Гельцера*.

Важнѣйшей задачей при разсмотрѣніи этого самостоятельнаго сочиненія, почти цѣликомъ составленнаго изъ болѣе старыхъ отрывковъ, является критическое изслѣдованіе его источниковъ. Главнымъ источникомъ для древнѣйшаго періода былъ Секстъ Юлій Африканъ, съ которымъ нашъ авторъ вполне согласуется въ хронологіи эпохи до потопа. Чтобы облечь въ плоть и кровь генеалогическій скелетъ, составитель воспользовался Библией, изъ которой часто приводитъ большія выдержки, а также неизвѣстнымъ цѣльнымъ источникомъ дидактическаго характера. Начиная съ Авраама, специально для своихъ церковныхъ цѣлей онъ пользовался канонемъ Евсевія, однако нѣкоторыя цѣнныя замѣчанія указываютъ на другой неизвѣстный источникъ, который, вѣроятно, какимъ-либо образомъ восходитъ къ Панодору или Анніану. Извѣстія изъ Псевдокаллысыены восходятъ, быть можетъ, къ полной редакціи Маллалы. Со времени римской республики ¹⁾ является новый источникъ, консульскіе фасты, причѣмъ вкрапленныя лѣтописныя замѣтки носятъ характеръ такъ называемыхъ анналовъ pontификальныхъ таблицъ. Это тотъ же латинскій источникъ, который послужилъ епископу Идатію для его латинской хроники. Далѣе рядъ обстоятельствъ (напр., принятіе во вниманіе сиромакедонскаго лѣтосчисленія и т. п.) указываютъ, какъ на источникъ, на пасхальныя таблицы александрійскаго и антиохійскаго діоцезовъ. Церковно-историческія свѣдѣнія сочиненія почти всѣ восходятъ къ сохранившимся источникамъ, главнымъ образомъ къ хроникѣ и церковной исторіи Евсевія и къ Малалѣ (который широко использованъ и въ свѣтской исторіи для оживленія хронологическаго скелета), наконецъ, къ актамъ мучениковъ и къ сочиненію Епифанія *Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν*. Съ 532 г. хроника

¹⁾ Стр. 309 СВ.

становится совсѣмъ бѣдной до конца правленія Маврикія (582—602) и состоитъ почти только изъ консульскихъ фастовъ. Лишь въ послѣднемъ отдѣлѣ, обнимающемъ конецъ правленія Маврикія, правленіе Фоки и первые 17 лѣтъ правленія Ираклія, рассказъ автора становится снова болѣе подробнымъ, очевидно, потому, что онъ былъ современникомъ изображаемыхъ событий.

Хронологія произведенія основана, какъ обычно у христіанскихъ хронографовъ, на библейской хронологіи, между годами которой вставлены рассказы о вавилонскихъ и персидскихъ царяхъ, о Птолемеяхъ и римскихъ императорахъ. Христіанское лѣтосчисленіе начинается съ 21 марта 5507 г. и является первымъ примѣромъ такъ называемой византійской или римской эры (въ противовѣсъ александрійской и антиохійской) которая употреблялась до новѣйшаго времени у принадлежащихъ къ греческой церкви народовъ.

Собственная работа пасхальнаго хрониста, если исключить упомянутую современную ему часть хроники, представляется крайне незначительной. Большею частью онъ ограничивался случайнымъ сокращеніемъ и соединеніемъ источниковъ; и нерѣдкія крупныя недоразумѣнія служатъ явнымъ доказательствомъ его крайняго невѣжества. Въ научномъ и литературномъ отношеніи пасхальная хроника стоитъ гораздо ниже Евсевія и Синкелла; все-же вслѣдствіе своего популярнаго изложенія на практикѣ она имѣла большое вліяніе и заняла въ хронографіи послѣдующаго времени выдающееся мѣсто. Пасхальная хроника, а также сочиненія Малалы и Іоанна Антиохійскаго являются представителями вульгарной ступени историческаго интереса и историографіи византійцевъ; въ высшихъ научныхъ кругахъ на нихъ обращали менѣе вниманія и вслѣдствіе того исправляли и замѣняли новыми (Синкеллъ, Зонара и др.).

Послѣ перваго года правленія Юлія Цезаря ¹⁾ въ пасхальной хроникѣ болѣе поздней рукой вставлено голое перечисленіе римско-византійскихъ императоровъ до Константина Мономаха (1642), которое справедливо исключено издателями и приведено только въ добавленіи ²⁾.

Изданія: Ed. pr. Chronicon Alexandrinum etc. studio *Mattaeci Raderi* (Monachii 1615, плохой текстъ по позднему испорченному Cod. Monac. съ латинскимъ переводомъ).—На основѣ его-же, хотя и съ нѣкоторыми поправками ed. *C. Du Cange* CP. 1688.—Повторено CV 1729.—Въ CB ed. *L. Dindorf* 2 voll. (Bonn 1832, значительно улучшенный текстъ на основаніи впервые здѣсь использованной главной рукописи Cod. Vatic. 1941, во второмъ томѣ предисловіе и комментарий *Du Cange*'а и другія добавленія, имѣющія отношеніе къ пасхальной хроникѣ.—Повторено PG XCIII—1158 (съ прежними прибавленіями; текстъ по *Dindorf*'у).

§ 43. Георгій Синкеллъ. Монахъ Георгій, съ прозвищемъ ὁ Σβύγγελλος т. е. тайный секретарь патріарха ³⁾, написалъ Σολλογὴ

¹⁾ Стр. 355 CB. ²⁾ II, 90 и слѣд.; сравн. II, 292. ³⁾ Объ этой высокой должности см. *Du Cange* Gloss., 1470 и сл., *Goar* въ своемъ предисл. (II, 55 и сл. CB). Слово происходитъ отъ *κέλλα*, cella, значить = concellanens.

хроноγραφίας обнимающую періодъ времени отъ сотворенія міра до Діоклитіана (284 г. по Р. X.). О жизни автора мы имѣемъ только замѣтки въ его собственномъ сочиненіи, указаніе его продолжателя Теофана въ началѣ послѣдней хроники и частью невѣрныхъ замѣчаній бібліотекаря Анастасія о жизни Синкелла и Теофана, которыя тотъ приводитъ въ своей церковно-исторической компіляціи. Прежде, чѣмъ стать синкелломъ, Георгій пробылъ продолжительное время во св. Землѣ ¹⁾; при патріархѣ Тарасіи (784—806) онъ былъ секретаремъ, а послѣ смерти Тарасія ушелъ въ монастырь и здѣсь написалъ свою хронику. Въ 810 г. онъ былъ еще въ живыхъ ²⁾. Продолженіе сочиненія, въ чемъ самому Георгію Синкеллу помѣшала смерть, взялъ на себя его современникъ и другъ Теофанъ Исповѣдникъ.

Хроника Синкелла является наряду съ Евсевіемъ самымъ важнымъ сочиненіемъ при изученіи христіанской хронографіи. Однако, своеобразныя и важныя черты его хроники принадлежатъ не самому составителю, а его предшественникамъ, данныя которыхъ, впрочемъ, онъ беретъ не безъ критики.

Построеніе сочиненія типично для хроники, т. е. рассказы объ отдѣльныхъ событіяхъ нанизаны безъ связующей нити, причемъ текстъ постоянно прерывается длинными сухими таблицами; такъ что, на нашъ взглядъ, это скорѣе колоссальная историческая таблица съ вкрапленными поясненіями, а не всемірная исторія. Въ обработкѣ отдѣльныхъ мѣстъ мы замѣчаемъ извѣстную неровность. Въ то время какъ Синкеллъ употребилъ много труда на опредѣленіе времени Рождества Христова и изложеніе новозавѣтной исторіи, послѣдующая исторія императоровъ до Діоклитіана оказывается довольно скудной, почти что компіляціей канона и церковной исторіи Евсевія и хроники Деясиппа, даже и изъ этого онъ, вѣроятно, многое нашелъ обработаннымъ у своего главнаго источника Панодора. Центр тяжести лежалъ для него, очевидно, въ построеніи дохристіанской исторіи, въ объединеніи свѣтскихъ и церковныхъ свѣдѣній. Сочиненіе Синкелла вполне проникнуто богословскимъ духомъ.

Что касается его источниковъ, то свѣтъ на нихъ былъ пролитъ главнымъ образомъ *Гельцеромъ*. Прежде всего является несостоятельнымъ прежнее воззрѣніе, согласно которому Синкеллъ пользовался Юліемъ Африканомъ и даже подлиннымъ Манеесомъ, какъ непосредственными источниками. Дѣйствительными источниками Синкелла можно назвать только двухъ александрійскихъ хронистовъ, Панодора и Анніана и Св. Писаніе. Трудно, конечно, болѣе точно установить его отношеніе къ Панодору и Анніану, такъ какъ произведенія ихъ, кромѣ отрывковъ, цитированныхъ самимъ Синкелломъ, и немногихъ фрагментовъ, сохранившихся главнымъ

¹⁾ Стр. 200, 21 сл. CB.

²⁾ Стр. 389, 20 CB, гдѣ онъ называетъ текущимъ годомъ 6302 (=810).

образомъ у сирійцевъ, пропали. Панодоръ, богатый познаніями послѣдователь Африкана и Евсевія, извѣстный намъ почти только изъ Синкелла, писалъ между 395—408 г.г.; Анніанъ, который слѣдовалъ Панодору въ хронологіи и въ свѣтской исторіи, жилъ немного позже; онъ закончилъ свое сочиненіе въ 412 г. Самъ Панодоръ заимствовалъ главнымъ образомъ у Африкана, у жившаго на 100 лѣтъ ранѣе его Евсевія и у Дексиппа. Итакъ, Синкеллъ всюду, гдѣ можно видѣть указанія на эти три источника, вѣроятно, обязанъ по большей части Панодору или позднѣйшей компиляціи, главное мѣсто въ которой занималъ Панодоръ. Къ Панодору, далѣе, восходитъ прямо или косвенно все то, что Синкеллъ сообщаетъ изъ египетской исторіи; у Панодора онъ нашелъ и канонъ Манеѳона въ редакціи Юлія Африкана и Евсевія, затѣмъ извѣстное только изъ Синкелла обзорное египетской исторіи подъ названіемъ «книги Сотиса» и равнымъ образомъ только у Синкелла упоминаемое *παλαιὸν χρονικόν* (египетскій списокъ царей). Приводимыя изъ Діодора и другихъ свѣтскихъ историковъ мѣста Синкеллъ взялъ въ лучшемъ случаѣ изъ Евсевія, котораго онъ нашелъ, конечно, въ патриаршей библиотекѣ, но, быть можетъ, и только изъ Панодора. У послѣдняго между прочимъ заимствованы и апокрифическіе отрывки изъ такъ называемой малой книги Бытія и др., а въ свою очередь Анніанъ пришелся по душѣ Синкеллу вслѣдствіе хронологическихъ тонкостей христіанской эры; онъ особенно удивляется ему за открытіе, что первый день его церковнаго года 25 марта былъ 1) днемъ сотворенія міра, 2) днемъ воплощенія, 3) днемъ Воскресенія. Самостоятельно Синкеллъ изучалъ преимущественно каноническія писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Онъ не отступилъ здѣсь передъ предварительной работой надъ рукописями, свѣрилъ превосходную копію (*ἀντίγραφον λίαν ἤκριβωμενον κατὰ τὴ στήμην καὶ προσφάσαν*), которая находилась въ митрополичьей библиотекѣ въ Кесаріи и была снабжена даже поправками, сдѣланными самимъ Василиемъ Великимъ. Библиескія же извѣстія заставляютъ чаще всего Синкелла отказываться въ довѣрїи извѣстіямъ о египетскихъ и халдейскихъ событіяхъ у Панодора и Анніана, обыкновенно столь высоко почитаемыхъ имъ александрійскихъ авторитетовъ. Еврейскаго языка Синкеллъ, вѣроятно, не зналъ и Ветхимъ Завѣтомъ онъ пользовался въ переводѣ 70-и; онъ считаетъ даже—чисто по-гречески,—текстъ семидесяти заслуживающимъ предпочтенія передъ еврейскимъ! Кромѣ Св. Писанія, онъ читалъ въ подлинникъ по большей части и отцовъ церкви, какъ-то Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста.

Въ послѣдующее время хроникой Синкелла пользовались поразительно мало. Очевидно, для вкуса времени, привыкшаго къ Малалѣ и подобнымъ сочиненіямъ, она была слишкомъ богата ученостью и слишкомъ бѣдна популярнымъ матеріаломъ. Только одинъ хронографъ по своему научному характеру можетъ быть поставленъ на ряду съ хроникой Синкелла:

это, къ сожалѣнію, сохранившаяся только фрагментарно 'Εκλογὴ ἱστοριῶν (*J. Cramer, Anecd. Paris. II, 165—230*).

Изданія: Georgii Monachi Syncelli chronographia et Nicephori patriarchae breivariam Chronographicum cura et studio P. Jacobi Goar CP 1652.—Въ *SV ed. Guil. Dindorf Bonn 1829* съ изслѣдованіемъ *G. Bredow* (впервые напечатаннымъ въ его *Epistolae Paris. Lipsiae 1812*), предисловіемъ, хронологическими таблицами, комментаріемъ и указателемъ *Roar'a* и съ полемическими замѣчаніями *Скальгера*.—Новое изданіе *Г. Гельцера W. Reichardt* должно появиться въ объявленномъ *B. G. Teubner* оми собраніи «*Scriptores sacri et profani*».

§ 44. Θεοφάνης Ἰστοριογράφος (Θεοφάνης Ὁμολογητής) родился въ правленіе Константина Копронима (741—775). Единственный сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей, послѣ недолгой брачной жизни съ благочестивою дочерью одного византійскаго патрикія онъ ушелъ изъ міра и основалъ у Сигріана монастырь тоῦ Μεγάλου Ἀγροῦ, отъ котораго еще теперь сохранились развалины на берегу Мраморнаго моря между Кизикомъ и устьемъ Риндака ¹⁾. По поводу происхожденія Θεοφάνη надо замѣтить, что императоръ Константинъ Порфирородный говоритъ о своемъ родствѣ съ нимъ. Въ эпоху иконоборства ревностный и смѣлый противникъ Льва V Армянина, Θεοφάνης былъ вызванъ въ Константинополь, подвергнутъ допросу и послѣ двухлѣтняго заключенія сосланъ на скалистый островъ Самоеракію, гдѣ вскорѣ (около 817 г.) скончался. Церковь считаетъ его святымъ, какъ исповѣдника.

Во исполненіе настоятельныхъ предсмертныхъ просьбъ своего друга Георгія Синкелла († 810/811 г.) Θεοφάνης принялъ на себя продолженіе оставшейся неоконченной хроники и продолжилъ сочиненіе съ того мѣста гдѣ прервалъ Синкеллъ, т. е. отъ Діоклитіана, до паденія Михаила I Рангави т. е. съ 284 г. до 813 г. Написаніе Θεοφάνη *χρονογραφία* относится къ 810/811—814/815 г.г., т. е. ко времени между смертью Синкелла и заключеніемъ въ тюрьму. Несомнѣнно, у своего друга Синкелла Θεοφάνης взялъ и литературные источники, которыми тотъ пользовался и предполагалъ воспользоваться въ дальнѣйшемъ.

О поводѣ къ написанію сочиненія Θεοφάνης даетъ самъ достаточныя разъясненія въ краткомъ предисловіи. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что взялъ на себя эту трудную задачу только для того, чтобы исполнить сильное желаніе своего друга.

Основнымъ принципомъ, которому Θεοφάνης слѣдовалъ въ построеніи своей хроники, является принципъ хронологическій, состоящій въ распредѣленіи всего историческаго матеріала по годамъ. Если и въ другихъ хроникахъ связь событій подобнымъ образомъ разсѣкается и рассказъ наново начинается съ каждымъ годомъ, то тамъ все же, наряду съ годами отъ начала міра и годами нашей эры, указываются, самое большее, годы правленія

¹⁾ В. Регель, Виз. Врем. 1895, I, (238). Ср. также Тр. 'Ε. Ἐδαγγελίδης. Οἱ βίοι τῶν ἁγίων, Аѳины 1895 стр. 235 слѣд.

императоровъ; Теофанъ же включаетъ въ свое хронологическое произведение и годы правленія персидскихъ и арабскихъ государей, равно какъ и пяти вселенскихъ патріарховъ. Эти хронологическія данныя со многими колебаніями и пропусками включаются въ текстъ разсказа въ формѣ таблицъ. Эта идея была во всякомъ случаѣ заложена уже въ хроникѣ Синкелла, которую Теофанъ продолжалъ; однако, эта мысль не была систематически проведена въ сочиненіи Синкелла, которое вообще производитъ впечатлѣніе предварительнаго еще необработаннаго собранія матеріаловъ¹⁾.

Теофанъ, который, какъ и его предшественникъ Синкеллъ, старался только дать полезное и удобобозримое изложеніе чисто фактическихъ свѣдѣній, свои источники называетъ рѣдко и лишь мимоходомъ; поэтому изученіе его источниковъ наталкивается на большія трудности. Для болѣе ранняго времени до смерти Θεодосія въ сочиненіи обнаруживается преимущественно пользованіе церковными исторіями Сократа, Созомена и Θεодорита²⁾; однако, Теофанъ пользовался, вѣроятно, этими сочиненіями не непосредственно, а изъ эклоги, восходящей къ сочиненію Θεодора Чтеца³⁾. Это тотъ самый источникъ, которымъ впоследствии пользовались Георгій Монахъ, Симеонъ, магистръ и логоеетъ, и другіе, отчего Теофанъ и согласуется съ ними въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ изложеніи болѣе поздняго времени Теофанъ согласуется съ Прокопіемъ, Агаѳіемъ, Іоанномъ изъ Епифаніи, Теофилактомъ Симокаттомъ, Малалой, Георгіемъ Писидомъ и брѣваріемъ патріарха Никифора. Однако, лишь дальнѣйшее изслѣдованіе можетъ показать, пользовался ли Теофанъ этими авторами непосредственно или же только построеннымъ на нихъ источникомъ. Тамъ, гдѣ онъ согласуется съ Никифоромъ, кажется, онъ пользовался не этимъ послѣднимъ, а болѣе древнимъ источникомъ, общимъ для нихъ обоихъ. Вѣроятно, Теофанъ исползовалъ и городскую хронику Константинополя, написанную по образцу древнихъ анналовъ, но болѣе подробную. Объ источникахъ для списковъ патріарховъ, см. изд. *C. de Boor'a*, II, 484. Отдѣлы, повѣствующіе о Магометѣ и слѣдующихъ халифахъ, по мнѣнію *Reiske*, восходятъ къ сирійско-греческому источнику; но относительно этого нельзя установить ничего болѣе или менѣе опредѣленнаго. Мы, конечно, отъ аскета Теофана, который, хорошо сознавая свою слабость, только случайно сталъ изъ богослова историкомъ и къ тому же, очевидно, принужденъ былъ работать съ необыкновенной поспѣшностью, не можемъ ожидать ни глубокой учености, ни хронологической точности, ни болѣе тонкой критики, ни вообще достаточно искуснаго обращенія съ огромнымъ матеріаломъ, котораго можно достигнуть только многолѣтними занятіями. Однако, это обширное сочиненіе, замѣ-

¹⁾ См. изданіе Теофана *C. de Boor'a* II 464 сл.

²⁾ См. *W. Christ Griech. Litterat.* 2 § 622.

³⁾ *C. de Boor.* I. c., I стр. VIII и *Sarrazin* въ *Comment. philol. Jenenses* (1881) 163—238.

няя намъ нѣкоторые утраченные источники являясь главнымъ источникомъ для послѣдующихъ хронистовъ, превосходить другія византійскія хроники по своему фактическому значенію. Теофанъ для своего времени создалъ эпоху и явился завершителемъ древнѣйшей византійской хронографіи.

Языкъ Теофана важенъ и замѣчателенъ вслѣдствіе своего средняго положенія между народной рѣчью и византійскимъ искусственно-греческимъ языкомъ. Онъ не такъ простонароденъ, какъ языкъ Малалы, но онъ далекъ отъ искусственнаго атицизма, который снова начинаетъ овладѣвать литературой со времени Комниновъ. Малала, Теофанъ и Константинъ Порфиродный—вотъ три главныя фазы въ исторіи попытокъ созданія близкаго къ народному литературнаго языка. Какъ у Малалы, такъ и у Теофана языковыя новшества въ морфологии, гдѣ атическо-эллинская грамматика своимъ крѣпкимъ построеніемъ и древней традиціей ставила прочную плотину вторженію народныхъ элементовъ, сказываются менѣе чѣмъ въ словѣ и конструкціи. Однако, въ употребленіи формъ встрѣчаются вульгаризмы, которые со времени Поливія и Новаго Завѣта приобретаютъ все болѣе и болѣе распространеніе, напримѣръ, аористы, какъ *ἔβαλα, ἔγνωσα, ἔδωσα, ἤρξαθην* (*ἄρχομαι*), много случаевъ, двойного приращенія, пренебреженія приращеніемъ и удвоеніемъ и т. п.

Что словарь Теофана покоится болѣею частью на церковномъ, греческомъ языкѣ, это не можетъ казаться страннымъ въ сочиненіи монаха. Кромѣ того въ составѣ словъ, какъ и въ семасіологии, находится много слѣдовъ простонароднаго греческаго языка: мы встрѣчаемъ *ταῦτα* кормлю, *διώκω* преслѣдую, *κατάρτιον* мачта, *λιβάδιον* лугъ, сложныя слова какъ *ἀναμέσον* и т. д.

Синтаксисъ богатъ яркими доказательствами ослабленія древне-греческаго языкового чутія; *ἄμα* систематически стоитъ съ родительнымъ падежомъ, однако, часто съ родительнымъ и дательнымъ, точно также *οὖν* съ родительнымъ, *ἀπὸ* съ винительнымъ; къ тому же встрѣчаются формы какъ *ἀναμέσον* и *ἀναμεταξὺ*, плеоназмы, какъ *ἐκ παιδιόθεν, ὅταν* съ изъявит., описательная форма будущаго времени черезъ *ἔχω* съ *infin.*; часто встрѣчается неопредѣленное наклоненіе цѣли съ тою именительный самостоятельной.

Латинскій переводъ Теофана для западной средневѣковой исторіографіи имѣлъ едва ли меньшее значеніе, чѣмъ самый оригиналъ для Востока. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ папскимъ бібліотечаремъ Анастасіемъ. Послѣдній по просьбѣ какого-то діакона Іоанна составилъ компилятивную *historia tripartita* изъ трехъ хроникъ Никифора, Синкелла и Теофана, которую этотъ Іоаннъ хотѣлъ вставить въ свою церковную исторію. Анастасій, принявъ въ расчетъ при своей работѣ эту цѣль, выпустилъ все то, что уже имѣлось въ латинскихъ сочиненіяхъ, а именно часть, относящуюся къ болѣе раннему времени. До Юстиніана онъ дѣлаетъ выборки изъ своихъ источниковъ только спорадически. Собственно о переводѣ можно говорить только съ разсказа о времени Юстиніана II и еще болѣе Мав-

рикія. Однако, и тутъ Анастасій не придерживался такъ близко оригинала, какъ это сдѣлалъ бы современный переводчикъ; иногда онъ сознательно измѣняетъ смыслъ, нерѣдко онъ позволяетъ себѣ прибавки и дополненія. Несмотря на это, переводъ во многихъ частяхъ настолько хорошо отражаетъ оригиналъ, что часто появляются совсѣмъ нелатинскіе обороты; нерѣдки также самыя удивительныя недоразумѣнія. Ясно, что познанія Анастасія въ греческомъ языкѣ были очень поверхностны; то, что, несмотря на это, онъ былъ избранъ для посольства по важному вопросу въ Константинополь, и что его друзья обращались къ нему съ просьбой о переводахъ ясно показываетъ, какой рѣдкостью уже тогда стало на Западѣ знаніе греческаго языка. Правильный взглядъ на познанія Анастасія въ языкѣ и на преслѣдуемая имъ цѣли имѣетъ большое значеніе, такъ какъ изъ этого можно вывести тѣ основанія, на которыхъ его переводъ долженъ быть употребляемъ для возстановленія греческаго текста Теофана.

Какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ Теофанъ сталъ главнымъ источникомъ для хронистовъ. Анастасій перевелъ его на латинскій языкъ, Георгій Монахъ основательно использовалъ его для своей хроники. Теофанъ и Георгій были необходимыми руководствами и пособіями для всякаго, кто хотѣлъ познакомиться съ временемъ до Льва Армянина. Объ этомъ свидѣлствуютъ древность и число рукописей. Нѣкоторое время Теофанъ соперничалъ, вѣроятно, съ Георгіемъ, но въ X столѣтіи произведенія Теофана и Георгія пользуются одинаковымъ уваженіемъ. Императоръ Константинъ Порфирородный обираетъ его; въ то же время появляется литература «продолжателей Теофана», которые прямо начинаютъ свои сочиненія съ того мѣста, гдѣ онъ кончаетъ, какъ будто желая сказать, что, по ихъ взгляду сочиненіемъ Теофана завершаются попытки историческаго изображенія описанной имъ эпохи. Въ одно время съ Георгіемъ, а также и позднѣе составлялись и другія всемірныя хроники, которыя частью расширяли и перерабатывали хронику Георгія, для чего главнымъ матеріаломъ служилъ Теофанъ и «Leoquelle», частью соединяли объ хроники въ одно безъ значительныхъ добавленій изъ другихъ хроникъ. Въ этихъ работахъ вылилось среднее направленіе, которое хотя и не могло освободиться отъ обильнаго богословскаго содержанія у Георгія, однако, желало немного большаго разнообразія и расширенія историческаго матеріала. Впрочемъ, хроника Теофана спаслась отъ экскерпированія и отъ интерполациі. Составъ текста, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ внѣ сомнѣнія, чего нельзя сказать, наприм., о Георгіѣ Монахѣ, гдѣ сперва надо установить, каковъ былъ дѣйствительный составъ подлиннаго сочиненія. Что касается въ частности рукописной традиціи, то на первомъ мѣстѣ стоитъ рукопись XII-го столѣтія Cod. Vaticanus 154; она превосходитъ по своему достоинству даже рукопись, использованную латинскимъ переводчикомъ Анастасіемъ и поэтой является основой для возстановленія

текста сохранившагося частей; къ сожалѣнію, она содержитъ только часть сочиненія. Съ Cod. Vatic. 154 близко родствененъ Cod. Barber. V, 49. Самой старой, но не лучшей является рукопись X-го столѣтія Cod. Paris. gr. 1710, однако, она содержитъ лишь обработку отрывковъ, подобно Малалѣ въ Cod. Baroccianus¹⁾.

Изданія: Ed. gr. CP Jac. Goar (вмѣстѣ съ Львомъ Грамматикомъ); напечатано послѣ смерти Goar'a въ Парижѣ 1655; пересмотръ предпринялъ Combefis, который изложилъ въ notae posteriores свои улучшенія и добавленія.—Повторено CV 1729.—Въ СВ въ 2 том. 1839—1841; 1 т. заключаетъ Теофана ex rec. Joannis Classeni II—historia tripartita Анастасія ex rec. I. Bekkeri.—L. F. Tafel Theophanis Chronographia, Probe einer neuen kritisch exegetischen Ausgabe, Sitzungsber. Wien Akad. 9 (1852) 21—172, даетъ болѣе удачнаго введенія отдѣлу объ императорѣ Иракліи съ латинскимъ переводомъ Анастасія.—Перепечатка СВ въ PG CVIII съ примѣчательными Goar'a и Combefis и переводомъ Анастасія.—Послѣ этихъ совершенно неудовлетворительныхъ и, за исключеніемъ сдѣланнаго Tafel'емъ опыта, некритическихъ работъ Carl de Boor издалъ Теофана на вполнѣ новой основѣ 2 т. Leipzig 1883—1885. Томъ I содержитъ исправленный текстъ Теофана. Томъ II содержитъ historia tripartita Анастасія, исчерпывающее изслѣдованіе о рукописяхъ Теофана и превосходные указатели предметовъ и словъ.

§ 45. Продолженіе Теофана. Подъ заголовкомъ *Oi meta Theofánu, Scriptoros post Theophanem*, который въ СВ замѣненъ ставшимъ затѣмъ обычнымъ наименованіемъ Theophanes continatus, объединяется группа по большей части анонимныхъ хронистовъ, которые по порученію Константина Порфиророднаго продолжали произведеніе Теофана въ послѣдующее время. Соединенные здѣсь труды трактуютъ время 813—961 гг. Заголовокъ «Продолженіе Теофана» вполнѣ подходит: въ немъ ясно сказано, что хроника начинается тамъ, гдѣ Теофанъ кончалъ; это же говорится и въ концѣ предисловія. Сохранившійся въ единственной рукописи заголовокъ, котораго нельзя вполнѣ прочесть такъ: *Χρονογραφία συγγραφεῖσα ἐκ προτάγματος Κωνσταντίνου τοῦ φιλοχρίστου καὶ πορφυρογενήτου δεσπότητος υἱοῦ Λέοντος τοῦ σοφωτάτου δεσπότητος καὶ αὐτοκράτορος . . . ἀρχομένην ὅπου ἔληξε Θεοφάνης . . . τῆ βασιλείᾳ Μιχαήλ υἱοῦ Θεοφίλου τοῦ Κοιροπαλάτου ἡγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Λεοντος τοῦ Ἀρμενίου.*

Все сочиненіе распадается на 6 книгъ: первая обнимаетъ правленіе Льва V Армянина; вторая — Михаила II; третья — Теофила; четвертая — Михаила III; пятая — Василія, шестая, наконецъ, — исторію Льва VI, Александра, Константина VII Порфиророднаго, Романа I и Романа II. Несоразмѣрно съ другими большое историческое содержаніе шестой книги, обнимающей шесть біографій, въ то время, какъ остальные содержатъ по одной, объясняется разновременнымъ написаніемъ и различнымъ способомъ происхожденія книгъ. Въ непосредственной связи съ Константиномъ Порфиророднымъ стоятъ только первыя пять книгъ, которыя и лучше построены; напротивъ, шестая книга, которая въ своей послѣдней части излагаетъ время послѣ смерти Константина, мало связана съ инициативой императора, являясь въ большей своей части

¹⁾ Ср. обзоръ въ изданіи de Boor II, 399.

позднѣйшимъ добавленіемъ, въ которомъ первоначальное дѣленіе, согласно которому каждому императору посвящалась одна книга, было отброшено. Авторомъ этой послѣдней части является, быть можетъ, Θεοδωρὸς Δαφνοπατῆς.

Главнымъ источникомъ первыхъ пяти книгъ Theophanes continuatus является Генесій, который описалъ въ своихъ пяти книгахъ «Царствъ» то же самое время (813—886). Кромѣ того, для первыхъ четырехъ книгъ служили источниками сочиненія Константина Порфиророднаго De administrando imperio и прибавленіе къ первой книгѣ сочиненія De caerimoniis, далѣе историческое сочиненіе Θεοφάνου и сочиненіе Евсевія о судьбѣ аморійскихъ мучениковъ. Есть извѣстія, которыхъ нельзя возвести къ какому-нибудь извѣстному намъ источнику. Представляется неяснымъ, какіе источники были использованы въ пятой книгѣ, кромѣ Генесія. Черезъ первыя пять книгъ проходить очевидное стремленіе обрисовать возможно болѣе черными красками жизнь и дѣятельность предшественниковъ македонскаго императорскаго дома и, напротивъ того, представить въ привлекательномъ свѣтѣ новую династію. Этотъ панегирический тонъ, который болѣе всего замѣтенъ въ пятой книгѣ, дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ сомнительной достовѣрность разсказа. Особое положеніе занимаетъ шестая книга, въ которой описывается время 886—961 гг. Она раздѣляется на двѣ главныя части. Часть VI (Левъ до 7-ой главы исторіи Константина Порфиророднаго включительно)¹⁾ совершенно однородна и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательное расхожденіе съ предшествующими книгами, прежде всего по источникамъ: вмѣсто Генесія, заканчивающаго Василиемъ, здѣсь выступаетъ новый источникъ, именно работа «Логоѣета», являющаяся продолженіемъ Георгія Монаха. По формѣ эта часть грубѣе, чѣмъ первыя пять книгъ; точно также различны тенденціи: этотъ «Логоѣетъ» былъ не совсемъ благосклонно настроенъ по отношенію къ Василию; его героемъ былъ гораздо болѣе Романъ, тотъ именно императоръ, который такъ долго отъснялъ на задній планъ Константина Порфиророднаго. Удивительно, что хронистъ обрабатывавшій эту часть не измѣнилъ тенденціи своего источника. Уже это указываетъ на то, что онъ не тождественъ съ редакторомъ первыхъ четырехъ (пяти) книгъ, который полонъ лояльности по отношенію къ Константину Порфирородному и совершенно сознательно является глашатаемъ славы этого императора. Правда, можно было бы предположить, что внезапное охлажденіе его рвенія имѣло свое основаніе въ смерти императора покровителя. Хроника «Логоѣета» написана въ царствованіе Никифора Фоки (963—969); въ то же время появилась, вѣроятно, и первая часть шестой книги продолженія Θεοφάνου, такъ что въ ней было использовано только что вышедшее сочиненіе. Вторая и послѣдняя часть шестой книги, именно главная часть исторіи Константина Порфиророднаго и неполная исторія

¹⁾ Стр. 353—441 СВ

Романа II, по всѣмъ признакамъ не заимствована изъ другого сочиненія, но представляетъ собою самостоятельное изложеніе современника, который не тождественъ съ авторомъ первой части шестой книги. Такъ какъ онъ еще упоминаетъ о завоеваніи Крита въ 961 г., то онъ долженъ былъ писать, по всей вѣроятности, немного спустя послѣ этого, вѣроятно, между 961—963 гг.

Продолженіе Θεοφάνου было использовано авторомъ хроникъ Cod. Paris. 1712; кромѣ того, изъ него выписаны Іоанномъ Скилицей свѣдѣнія о болѣе древнихъ событіяхъ; на Скилицѣ основываютъ свои повѣствованія Кедринъ, Зонара и другіе позднѣйшіе хронисты. Въ то время какъ самъ Θεοφάνъ распространенъ въ многихъ рукописяхъ, для продолженія его мы обладаемъ только однимъ Codex Parisinus (прежде Vaticanus 167) XII столѣтія; причиною недостатка является, вѣроятно, то, что продолженіе Θεοφάνу было использовано позднѣйшими хрониками въ болѣе степенной, чѣмъ самъ Θεοφάνъ, и тѣмъ самымъ сдѣлалось лишнимъ; это сочиненіе не привлекало вниманіе переписчиковъ въ виду отсутствія, въ противоположность Θεοφάνу, законченной и закругленной формы. Критика текста должна быть произведена при этомъ состояніи рукописной традиціи широкимъ сравненіемъ позднѣйшихъ выписокъ—работа, которая еще не произведена въ СВ.

Изданіе: Пятую книгу (vita Basilii) издалъ впервые Leo Allatius въ своихъ *Scriptura Coloniae Agripinae* 1653 1—179. Все сочиненіе ed. pr. *F. Combeffis, Scriptores post Theophanem CP* 1685 съ Іоанномъ Каменіатомъ, Симеономъ Магистромъ, Георгіемъ Монахомъ и другими отчасти относящимися къ позднѣйшему времени произведеніями.—Въ СВ какъ Theophanes continuatus ed. *I. Bekker* (Bonn 1838); къ этому (стр. 481—484) нѣсколько замѣтокъ объ иконоборцахъ какого то монаха Іоанна Іерусалимскаго. Повторено PG. CIX, 1—500.

§ 46. Патриархъ Никифоръ, преемникъ Тарасія, занималъ патриаршій престолъ въ 806—815 гг. Его положеніе въ исторіи его времени характеризуется его тѣсной дружбой съ Θεοδωρομъ Студитомъ, извѣстнымъ своими гимнами и другими сочиненіями, и энергичной борьбой, которую они вмѣстѣ вели противъ иконоборческаго императора Льва V Армянина (813—820). Никифоръ за свое безстрашное рвеніе поплатился лишеніемъ патриаршаго сана и изгнаніемъ (815 г.); онъ умеръ монахомъ въ 829 г. Память его празднуется и католической и православной церковью. Главная сила Никифора, какъ писателя, лежитъ въ его богословскихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ съ неутомимымъ одушевленіемъ занимается иконопочитаніемъ, главнымъ и основнымъ вопросомъ его времени. Они отмѣчены бодрой искренностью и сильнымъ, плавнымъ изложеніемъ. Ясно проявляется то крайнее ожесточеніе, съ которымъ велся словомъ, перомъ и дѣломъ споръ объ иконахъ. Кромѣ того, мы обладаемъ двумя историческими сочиненіями Никифора. Первое изъ нихъ, болѣе по объему и имѣющее болѣе значеніе, озаглавлено *Ἱστορία συντομος* (у *Photia* cod. 66, *ιστορικὸν*

σύντομον) ἀπὸ τῆς Μαυρικίου βασιλείας. Сочинение обнимает время от смерти императора Маврикия до брака старшего сына императора Константина V Копронима, позднѣе императора Льва IV, т. е. 602—769 гг. Обыкновенно это важное сочинение обозначается какъ Breviarium Nicephori. Это—разсчитанный преимущественно на популярное пониманіе разсказъ, какъ о самыхъ важныхъ, такъ и о самыхъ незначительныхъ событіяхъ. Согласно цѣли книги сдѣлать изложение интереснымъ и въ то же время понятнымъ широкому кругу читателей событія личной жизни, революціи, удивительныя войны, церковныя даренія, богословскіе споры занимаютъ несоразмѣрно большое мѣсто, въ то время какъ изложение хода политическаго развитія весьма поверхностно. Нѣтъ, впрочемъ, недостатка и въ интересныхъ мѣстахъ, къ которымъ принадлежитъ, между прочимъ, и этнографически важный экскурсъ о происхожденіи и странствованіяхъ болгаръ¹⁾. Сообщеніе это, совершенно сходное съ находящимся у Теофана, взято, вѣроятно, изъ одного общаго или изъ двухъ родственныхъ источниковъ. Источники Никифорова Breviarium'a неизвѣстны намъ даже по имени и, кажется, совсѣмъ потеряны. Съ Теофаномъ онъ часто совпадаетъ почти дословно; однако, ни онъ не пользовался Теофаномъ, ни Теофанъ не пользовался имъ, но оба заимствовали изъ неизвѣстнаго болѣе стараго автора. Изъ другихъ хронистовъ, занимающихся тѣмъ же временемъ, только Георгій Монахъ непосредственно заимствовалъ часть хроники Никифора²⁾; для послѣдующаго времени Георгій пользовался не Никифоромъ, а Теофаномъ. И вообще, кажется, Breviarium Никифора, дошедшій до насъ только въ двухъ рукописяхъ, не пользовался большими симпатіями.

Вторая историческая работа Никифора—Хроноуграфικὸν σύντομον (также Χρονοуγραφικὸν ἐν συντόμῳ, ἐν ἐπιτόμῳ, ἐν συνόψει; хуже засвидѣтельствовано χρονοуγραφία σύντομος)—въ высшей степени тошій хронологическій перечень отъ Адама до года смерти Никифора (829). Здѣсь приводятся въ скудныхъ по содержанию таблицахъ цари іудеевъ, персовъ, Птолемеи, римскіе императоры, патриархи Константинополя, Рима, Іерусалима, Александрии и Антиохии (т. е. пяти вселенскихъ патриарховъ). Это сочинение опубликовано только въ той переработкѣ, которая была сдѣлана въ правленіе Михаила III около 850 г.; около 870 г. она была переведена папскимъ бібліотекаремъ Анастасіемъ на латинскій языкъ и вставлена въ его Chronographia tripartita. Въ то время какъ Breviarium было вытѣснено другими сочиненіями, хронография осталась любимымъ справочникомъ и была распространена въ многочисленныхъ рукописяхъ, которыя, однако, почти всѣ интерполированы и поэтому значительно отличаются другъ отъ друга. Различные переписчики и владѣльцы часто продолжали хронологическій рядъ далѣе его первоначальнаго конца, такъ что въ одной рукописи онъ оканчивается 886 г., въ другой 944, въ третьей

¹⁾ CB 38 сл.; ed. C. de Boor 33 сл.

²⁾ Стр. 3—31 ed. C. de Boor.

доходить до Іоанна Цимисхія (976). Къ этому присоединяются еще нѣкоторыя вставки внутри сочиненія. Два подобныхъ краткихъ хронографическихъ отрывка изъ Cod. Coislin. 193 и Monac. Gr. 510 C. de Boor присоединилъ къ своему изданію.

Довольно хорошую характеристику патриарха Никифора даетъ *Фотій* въ своей Bibliotheca cod. 66. Онъ отзывался съ похвалою о простотѣ и ясности не слишкомъ многорѣчиваго, но слишкомъ сжатаго изложенія Никифора, но падкаго на ненужныя новшества и воздерживающагося отъ искусственной архаизаціи языка; быть можетъ, только излишняя краткость и бѣдность его сообщеній заслуживаютъ упрека. Быть можетъ, твердость характера и благочестіе Никифора оказали извѣстное вліяніе на этотъ хвалебный отзывъ. Во всякомъ случаѣ вполне справедливо подчеркнуты простота и ясность, такъ какъ именно этимъ Никифоръ выгодно отличается отъ многихъ другихъ византийцевъ; онъ говоритъ безъ украшеній, безъ обилія картинъ, по большей части простѣйшими предложеніями. Яркой противоположностью сочиненіямъ Никифора является его біографія, составленная его ученикомъ Игнатіемъ.

Изданія: А. *Ἱστορία σύντομος* (Breviarium) Ed. pr. D. Petravius Paris 1616. *Petravius* повторилъ это изданіе со многими улучшениями въ I т. CP 1648.—Повторено CV 1729.—Безъ новыхъ пособій, но съ многими исправленіями въ CB J. Bekker Bonn 1837 (вмѣстѣ съ Павломъ Силенціаріемъ и Георгіемъ Писидомъ).—Эти работы превзойдены и сдѣланы совсѣмъ ненужными новымъ изданіемъ C. de Boor Leipzig BT 1880. *De Boor* нашелъ ватиканскую рукопись (№ 977), на списокъ съ которой были основаны до тѣхъ поръ всѣ работы, и могъ съ ея помощью заполнить пропуски списка и исправить множество испорченныхъ мѣстъ. Кромѣ этой рукописи *de Boor* использовалъ нѣсколько извлеченныхъ изъ Никифора мѣстъ *Свиды* глоссарій, изданный *Cramer*омъ изъ cod. Vaticanus 50 въ Anecd. Oxon. 2, 427 сл. и содержащій небольшое собраніе λέξεις ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ ἁγίου Νικηφόρου, и, наконецъ, позднѣйшихъ хронистовъ, заимствовавшихъ изъ Никифора; *de Boor* далъ вмѣстѣ съ Breviarium и Χροноуграфικὸν σύντομον, біографію Никифора, написанную Игнатіемъ, и два вышеупомянутые хронографическіе отрывка, наконецъ, превосходный указатель предметовъ и словъ.

В. *Χροноуграфικὸν σύντομον*. Сперва изданъ латинскій переводъ Анастасія (Basileae 1561, и въ многочисленныхъ перепечаткахъ и переработкахъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ). Греческій текстъ впервые у *Ios. Justus Scaliger*, *The-saurus temporum*, Eusebii Pamphili etc. libri duo, Lugd. Bat. 1606 стр. 293—316; также въ перепечаткѣ этого сочиненія у *Al. Morus* Amstelodami 1658 стр. 301—312.—Ed. *Goar* по гречески и по латыни, какъ добавленіе къ Георгію Синкеллу, въ CP Paris 1652.—Перепечатка въ изданіи Георгія Синкелла *Dindorf*'а въ CB 1829.—Повторено PG 995—1060.—Эти изданія основаны на неисправномъ Cod. Paris. 1711 и поэтому не имѣютъ значенія. Шагъ впередъ представляетъ собою работа *Karl. Aug. Credner*'а, который издалъ по новымъ рукописямъ греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ Анастасія: *Nicephori Chronologia brevis* 2 Universitätsprogramm Giessen 1832 38. Прибавленіе къ хронографіи, перечень каноническихъ писаній съ добавленной стихометріей *K. A. Credner* издалъ еще разъ (съ подробнымъ введеніемъ, замѣтками о рукописяхъ хронографіи и т. д.) въ его книгѣ: *Zur Geschichte des Kanons*, Halle 1847 стр. 97—126; ср. также стр. 133—147.—Ed. C. de Boor (съ Breviarium), который далъ совершенно новую основу и для этого сочиненія.—Латинскій переводъ Анастасія далъ (по многимъ предшествующимъ изданіямъ) C. de Boor въ своемъ изданіи Теофана, II (1885), 36—59.

§ 47. Георгій Монахъ (Амартолъ). Георгій Монахъ, часто опредѣляемый ближе и при помощи прозвища Амартолъ,

составилъ въ царствованіе Михаила III (842—867) трудъ, обнимающій четыре книги и озаглавленный: *Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθέν ὑπὸ Γεωργίου ἀμαρτωλοῦ*. О личности составителя мы знаемъ лишь то, что онъ былъ монахъ, что, впрочемъ, и помимо его прямыхъ опредѣлений вродѣ *μοναχός* и *ἀμαρτωλός*, ясно видно уже изъ монашеской тенденции труда, фанатической нетерпимости къ иконоборцамъ и пристрастія къ богословскимъ отступленіямъ. Время жизни Георгія опредѣляется изъ его вступленія, гдѣ онъ называетъ Михаила III послѣднимъ императоромъ; кромѣ того, та необычная горячность, съ которой онъ обращается противъ иконоборцевъ, показываетъ, что иконоборческое движеніе было еще свѣжо въ его памяти. Закончена была его работа, какъ можно судить по одному мѣсту, говорящему о продолжительности правленія Михаила III, лишь незадолго до смерти этого императора, т. е. въ 866 или 867 г. Всемирная хроника Георгія Монаха обнимаетъ всю исторію міра отъ Адама до смерти императора Теофила въ 842 г., момента чрезвычайной важности во внутренней исторіи Византіи, прекращенія иконоборчества. Съ теченіемъ времени къ этому основному ядру различными авторами для частнаго употребленія и по частнымъ поводамъ присоединялись добавленія, которыя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ доходятъ до 948 г., въ другихъ еще далѣе. Что это лишь добавленія различныхъ авторовъ, ясно изъ предисловія труда, гдѣ вполне опредѣленно сказано, что послѣдняя книга будетъ излагать исторію императоровъ до Теофила (842). Кромѣ того, нѣкоторыя рукописи и къ тому же старѣйшія (Cod. Coisl. 310. X вѣка) заканчиваются, дѣйствительно, 842 г. и имѣютъ выразительную прѣписку: *τέλος ἐνταῦθα τοῦ χρονικοῦ βιβλίου*; наконецъ, нѣкоторыя рукописи, захватывающія болѣе поздній періодъ времени, сохранили въ этомъ мѣстѣ (подъ 842 г.) замѣчаніе. Далѣе въ изданномъ *Murali* текстѣ, въ концѣ продолженія подѣ событіями 948 г., стоитъ такая замѣтка: *Δόξα τῷ θεῷ πάντων ἑνεκα. Τετέλεσται καὶ τοῦ Λογοθέτου ἕως ὧδε τὰ χρονικά Γεωργίου ἀπὸ τῶν ὧδε μόνον τοῦ λογοθέτου*.

Трудъ Георгія распадается на четыре книги; въ первой онъ повѣствуетъ довольно сумбурно объ Адамѣ, Нимвродѣ, Нинѣ, персахъ, римлянахъ, Филиппѣ, Александрѣ, брахманахъ, халдеяхъ, амазонкахъ и т. д., т. е. даетъ обзоръ интересныхъ для монаха фактовъ свѣтской исторіи отъ Адама до Александра Великаго. Вторая книга начинается также Адамомъ и содержитъ въ сущности весьма обстоятельную библейскую исторію вплоть до римской эпохи; сюда же включены всевозможные экскурсы (о Платонѣ, идолопоклонствѣ и т. п.). Въ третьей книгѣ излагается римская исторія отъ Цезаря до Константина Великаго. Наконецъ, четвертая книга рассказываетъ римско-византійскую исторію отъ Константина Великаго до 842 г.

Объ основныхъ принципахъ, средствахъ и цѣляхъ своей работы говоритъ самъ авторъ въ предисловіи. Онъ использовалъ

для своего труда какъ старыя эллинскія, такъ и новыя византійскія историческія труды, а также и назидательныя писанія, но выбралъ изъ бывшаго у него матеріала лишь необходимое и полезное, постоянно стараясь говорить правду и въ изображеніи воздерживаясь отъ всякихъ прикрасъ. Что онъ подразумѣваетъ подѣ понятіями полезнаго и необходимаго, показываетъ слѣдующее исчисленіе вещей, долженствующихъ быть главнымъ предметомъ изображенія: введеніе идолопоклонства, миеологія грековъ, сущность монашества, возникновеніе и распространеніе иконоборческой ереси, вѣра сараинъ и т. п., какъ разъ тѣ вопросы, которые служили въ византійскихъ монастыряхъ темой научнаго разговора для любознательныхъ и образованныхъ монаховъ. Понятны и многочисленныя богословскія отступленія и частое цитированіе длинныхъ текстовъ изъ отцовъ церкви. Въ свѣтской исторіи больше всего обращается вниманія на набожность и щедрость императоровъ; эти качества превозносятся на каждомъ шагу и описываются съ истиннымъ удовольствіемъ¹⁾. Подобное пониманіе исторіи у Георгія совсѣмъ не должно удивлять насъ; скорѣе можно удивляться тому негодванію, которое многіе изъ новѣйшихъ авторовъ, историковъ и историковъ литературы, высказываютъ по поводу монашескаго и невысокаго образа мыслей византійскихъ хронистовъ, не желая понять, что они имѣютъ здѣсь дѣло съ произведеніями, написанными въ монастырѣ и для монастыря. Если мы будемъ правильно смотрѣть на трудъ Георгія, какъ на средневѣковую монастырскую хронику, то мы замѣтимъ въ ней важное для исторіи культуры отраженіе духа, стремленій и литературныхъ приемовъ, бывшихъ въ IX вѣкѣ въ распоряженіи византійскаго монастыря. Вліяніе на позднѣйшее время этого столь презираемаго труда, какъ учебника и книги для чтенія, было безмѣрно. Трудъ Георгія является основаніемъ для многочисленныхъ позднѣйшихъ переработокъ всемірной исторіи у византійцевъ; онъ же принесъ славянамъ первыя зачатки историческаго знанія и далъ первый толчекъ литературной производительности въ этой области.

Какіе источники использовалъ Георгій для болѣе древняго времени, т. е. для того хаоса разрозненныхъ замѣтокъ въ первыхъ трехъ книгахъ, только подлежить еще изслѣдованію. Для исторіи императоровъ до Діоклетіана онъ, кажется, имѣлъ то утерянное произведеніе, слѣды котораго вновь можно обнаружить у Льва Грамматика, Кедрина и Зонары. Для четвертой книги, исторіи собственно византійскаго времени, главнымъ источникомъ Георгія была хроника Теофана. Для первоначальнаго времени, однако, онъ пользовался наряду съ Теофаномъ и другими авторами; такъ, напримѣръ, для времени Анастасія источникомъ Георгія оказывается не самъ Теофанъ, а использованные Теофаномъ авторы, именно Малала и Θεодоръ Чтець. Основнымъ источникомъ Георг-

¹⁾ Ср., напр., стр. 878, 21 и слл.

гія былъ также бревіарій Никифора¹⁾. Но постепенно хроника сводится къ простому извлеченію изъ Теофана, которое Георгій, слѣдуя своему вкусу, пересыпаетъ неизбежными богословскими отступленіями. Своеобразное положеніе занимаетъ послѣдняя часть хроники, содержащая исторію 813—842 гг. Здѣсь, судя по всему, мы имѣемъ дѣло съ самостоятельной работой. Вслѣдствіе того, что Георгій является единственнымъ современнымъ описываемымъ событіямъ хронистомъ²⁾, мы съ особымъ вниманіемъ останавливаемся на этомъ отрывкѣ. Къ сожалѣнію, Георгій и здѣсь не оправдываетъ ожиданій, съ которыми мы, пожалуй, склонны были бы подходить къ его труду, ибо вмѣсто стройнаго историческаго разсказа мы находимъ фанатическія изліянія страстнаго врага иконоборцевъ, интересъ котораго сосредоточивается лишь на церковныхъ дѣлахъ, особенно на всемъ, касающемся иконоборства. Дѣйствительно историческія извѣстія сравнительно скудны; они теряются въ массѣ богословскихъ отступленій и рѣзкой брани по адресу иконоборцевъ. Источникомъ этого отрывка отчасти является составленная Игнатіемъ біографія патріарха Никифора. Въ остальномъ же, конечно, эта часть основывается преимущественно на устныхъ извѣстіяхъ и собственныхъ наблюденіяхъ.

Въ большинствѣ рукописей за хроникой, составленной самимъ Георгіемъ, находится длинное продолженіе, доходящее до смерти Романа Лакапина въ 948 г., въ нѣкоторыхъ рукописяхъ до 1071, 1081, въ одной даже до 1143 г. Во всякомъ случаѣ основной текстъ продолженія кончается 948 г.: добавленія, продолжающіяся далѣе, представляютъ собою лишь скудныя замѣтки, частью указатели въ видѣ таблицъ, прибавленные, повидимому, въ концѣ болѣе ранняго продолженія владѣльцами рукописей для себя лично. Новыя изслѣдованія пролили свѣтъ на личность автора единственно важной части продолженія, т. е. отдѣла до 948 года. Онъ тождественъ съ магистромъ и логоетомъ Симеономъ, хроника котораго уцѣлѣла во многихъ греческихъ рукописяхъ и въ славянскомъ переводѣ. Такимъ образомъ объясняются упомянутыя выше (стр. 100) рукописныя замѣтки въ концѣ хроники Георгія и въ концѣ продолженія, приписывающія это послѣднее какому-то логоету. Не самъ логоетъ, а какой-нибудь редакторъ связалъ весь этотъ отрывокъ съ Георгіемъ Монахомъ и при этомъ проглядѣлъ, что въ отрывкѣ есть ссылка на ранѣе разсказанныя событія, не находящаяся въ хроникѣ Георгія. Связь обѣихъ работъ, такимъ образомъ, чисто внѣшняя, и названіе «продолженіе Георгія Монаха» нужно понимать лишь какъ указаніе на это случайное соединеніе. И по міровоззрѣнію и характеру логоетъ сильно отличается отъ Георгія Монаха. Церковное отстаетъ у него на задній планъ, а главный интересъ сосредоточивается

¹⁾ См. ed. de Boor, praef. 23.

²⁾ Лишь для одной части этого отрывка мы обладаемъ вторымъ авторомъ-современникомъ: это—*Scriptor incertus de Leone Armenio* (въ *СВ* позади *Льва Грамматика*).

на событіяхъ придворныхъ. Присоединенное въ нѣкоторыхъ рукописяхъ продолженіе, говорящее о времени послѣ 948 г. заимствовано большей частью изъ продолженія Теофана.

Въ отношеніи языка Георгій менѣе интересенъ, чѣмъ Теофанъ. Онъ не заботился, какъ это съ скромной гордостью подчеркиваетъ въ предисловіи, объ искусствѣ изображенія; его принципомъ было: *Κρείσσον μετὰ ἀληθείας φηλλίσειν ἢ μετὰ ψεύδους πλατώνεισεν*,—фраза, вообще характерная для византійскаго времени передъ великой литературою реакціей при Комнинахъ. Все же Георгій пишетъ не такъ просто и естественно, какъ можно было бы ожидать, судя по этому выразительному обѣщанію: его стиль находится подъ сильнымъ вліяніемъ церковнаго языка и его разнообразныхъ часто нѣсколько напыщенныхъ источниковъ. Все же было бы рискованно высказывать по этому поводу болѣе опредѣленное сужденіе, прежде чѣмъ твердо установленъ подлинный текстъ оригинала; тщательнѣйшее изслѣдованіе свойствъ греческаго языка, которымъ пишетъ Георгій, было бы, пожалуй, слишкомъ скоро опровергнуто новымъ критическимъ изданіемъ. Во всякомъ случаѣ Георгій принадлежитъ къ авторамъ, не придерживающимся строгой одной какой-либо формы, хотя и отличается отъ Теофана какъ болѣею близостью къ церковному способу выраженія, такъ и выдвиганіемъ еще болѣе на первый планъ церковныхъ событій. Напротивъ того, языкъ послѣдней части продолженія Георгія, по крайней мѣрѣ въ редакціи, изданной *Muralt*омъ, уже совершенно простонароденъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ языкъ Теофана; здѣсь авторъ не отстаетъ даже передъ *va* и т. п.¹⁾ Совершенно недостаточный списокъ новыхъ и иностранныхъ словъ Георгія и продолжателей далъ *Muralt* въ своемъ изданіи стр. 963—977.

Рукописная традиція Георгія Монаха принадлежитъ къ труднѣйшимъ вопросамъ византійской филологіи. Такъ какъ эта всемірная хроника сдѣлалась съ IX вѣка любимѣйшимъ руководствомъ и настольной книгой историческаго назиданія и развлеченія, то съ теченіемъ времени она вышла въ различныхъ «улучшенныхъ и дополненныхъ изданіяхъ». До сихъ поръ мы можемъ различать три главныхъ редакціи: 1) краткую, болѣе приближающуюся къ оригиналу, представленную двумя *Cod. Coisl.* 134 и 310, менѣе точно *Cod. Vatic.* 153; 2) сильно переработанную и значительно увеличенную добавленіями изъ свѣтской исторіи, большей частью восходящими къ Симеоу Логоету, редакцію, лежащую, на примѣръ, въ *Cod. Vatic.* 154, и въ исползованномъ *Muralt*омъ Московскомъ списокѣ; наконецъ, 3) редакцію, стоящую посрединѣ между этими обѣими редакціями, (*Cod. Monac.* 139 и 414, *Vind. hist.* 40, *Ambros.* 184, *Strassb.* 8 и др.). Георгій Монахъ, какъ и Малала, былъ рано переведенъ на славянскій языкъ; въ древней славянской литературѣ онъ играетъ роль болѣею, чѣмъ какой бы ни было другой византійскій хро-

¹⁾ Сравн. особенно стр. 852 и слѣд.

нисть; до сихъ поръ извѣстно, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцать экземпляровъ Георгія, частью въ болгарско-славянской, частью въ сербско-славянской редакціяхъ. Въ славянскомъ переводѣ Георгій сдѣлался главнымъ источникомъ всей нерусской исторіи для древнѣйшей русской хроники, которая приписывается безъ достаточныхъ основаній кievскому монаху Нестору, на самомъ же дѣлѣ является анонимнымъ произведеніемъ начала XII столѣтія¹⁾. Георгій былъ переведенъ также и на грузинскій языкъ; пергаментная рукопись этого перевода лежитъ неизданная въ церковномъ музеѣ Тифлиса (сообщеніе А. С. Хаханова). Не менѣе, чѣмъ для славянскихъ хроникъ, было плодотворно вліяніе Георгія и для самой византійской историографіи. Георгій принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, изъ которыхъ дѣлались заимствованія въ константиновскіе экскерпты. Кромѣ того, частью самъ Георгій, частью его источники въ такомъ размѣрѣ были использованы позднѣйшими хрониками, что со времени опубликованія всего Георгія мы приобрѣли очень мало новыхъ историческихъ свѣдѣній.

Изданія въ *CP* были включены лишь конецъ Георгія и продолженіе, слѣдовательно часть, относящаяся ко времени 813—948, подъ заглавіемъ Βίοι τῶν νέων βασιλέων *Scriptores post Theophanem* ed. *Combesis*. 1685.—Повторено *CV* 1729.—Варианты Мюнхенской рукописи далъ бывший бібліотекаръ Мюнхенской придворной бібліотеки *Ign. Hardt* въ *Neuer Literar-Anzeiger* 3 Jahrg. 1 Hälfte Tübingen 1808 стр. 61 и сл., тотъ же ученый подготовилъ и изданіе; см. *Catalogus Codd. mss. Graec. bibliothecae regiae Bavaricae*, II (1806) стр. 103 и сл.—Экскерпты изъ первыхъ отрывковъ Георгія издалъ по тремъ оxfordскимъ рукописямъ *A. Cramer* *An. Oxon.* IV (1837) 218—246. Ту же часть, находящуюся въ *CP*, издалъ въ *CB*, не принявъ во вниманіе публикацій *Hardt'a* и *Cramer'a* и не давъ какихъ-нибудь значительныхъ улучшеній *I. Bekker*, вмѣстѣ съ продолженіями Теофана.—Полную хронику Георгія Монаха съ продолженіями издалъ *Eduard de Muralt*, *Georgii Monachi dicti Namartoli chronicon ab orbe condito ad. an. p. Chr. 842 et a diversis scriptoribus usque ad ann. 1143 continuatum etc.* Petropoli 1859. Къ сожалѣнію изданіе это совершенно неудовлетворительно; издатель, правда, описалъ 27 рукописей, но дѣйствительно пользовался лишь частью ихъ, да и изъ тѣхъ использовалъ основательно лишь немногія; въ основу текста онъ положилъ главнымъ образомъ московскую рукопись XII вѣка, содержащую сильно переработанную редакцію. Эта именно редакція, какъ показалъ *E. Patzig* въ *B. Z.* III, 487 сл. и точнѣе обосновалъ *B. Г. Васильевскій* въ *Виз. Вр.* 2, 78 сл. сильно пополнена при помощи хроники Симеона, магистра и логоета, свѣдѣніями изъ свѣтской исторіи, въ то время какъ первоначальный Георгій въ отношеніи свѣтской исторіи былъ, кажется, произведеніемъ совсѣмъ скуднымъ. Итакъ, изданіе *Muralt* въ дѣйствительности не представляетъ подлиннаго текста Георгія Монаха, а позднѣйшую снабженную неудовлетворенными вариантами и согласованіями переработку, по которой невозможно установить дѣйствительный текстъ подлинника. Ко всему этому текстъ, вслѣдствіе малаго знакомства издателя съ языкомъ, кишитъ всевозможными ошибками.—Изданіе *Muralt* было перепечатано въ *PG CX*, гдѣ присоединенъ и латинскій переводъ.—Критическое изданіе первоначальнаго текста остается насущной потребностью, безъ него не имѣютъ подѣ собой достаточнаго основанія лингвистическія, литературно-историческія и историческія изысканія, какъ и изслѣдованія источниковъ Георгія. Матеріалъ для такого предпріятія собралъ *C. de Boor* (и уже издалъ *Georgii Monachi chronicon*. Vol. I—II, 1901. Крайне желательно было

¹⁾ См. А. А. Шахматовъ, Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Лѣтоп. зан. Археогр. Комиссіи XX. СПб. 1908 (В. Б.)

бы привлечь къ дѣлу и грузинскій переводъ X вѣка). Если-бы удалось преодолѣть внѣшнія трудности опубликованія, то изданіемъ Георгія въ связи съ Теофаномъ мы получили бы средства разложить всю позднѣйшую хронографію на ея части и свести къ минимуму число томовъ византійскихъ историковъ.

§ 48. Сицилійскій анонимъ. Какой-то неизвѣстный грекъ оставилъ описаніе важныхъ событій въ Сициліи за 827—965 г.г.; стиль разсказа—лаконическій, сухо-дѣловой, часто встрѣчающійся въ позднѣйшихъ извлеченіяхъ изъ хроникъ, съ явнымъ, однако, у автора стремленіемъ къ истинѣ. Это интересное произведеніе имѣется въ двухъ рукописяхъ X-го вѣка: въ *Cod. Vatic.* 1912 и въ *Cod. Paris. suppl. gr.* 920. Давно извѣстная арабская хроника, находящаяся въ одной кембриджской рукописи, признана недавно переводомъ этого греческаго текста.

Изданія. Почти одновременно появились два изданія греческаго текста: ed. *P. Batiffol*, *Comptes rendus de l'Acad. des inscriptions et belles lettres*, 1890, стр. 394—402 (съ лат. пер.).—*La cronaca Sicula Saracena di Cambrige con doppio testo greco scoperto in codici contemporanei delle biblioteche Vaticana e Parigi* per *G. Cozza-Luzi* con accompagnamento del testo arabo pel *Can. B. Lagumina*, *Documenti per servire alla storia di Sicilia*, IV serie vol II, Palermo 1890. Не зная этихъ изданій, еще разъ напечат. *A. Wirth*, *Chronograph. Späne* (Frankfurt 1894), 11—16.

§ 49. Симеонъ Магистръ и Логоетъ. Съ этими именами до насъ дошла въ нѣсколькихъ рукописяхъ хроника, о которой мы къ сожалѣнію еще недостаточно освѣдомлены. Хотя теперь уже ясно видно, что сочиненіе это призвано сыграть важную роль въ уясненіи лабиринта отношеній между источниками позднѣйшихъ хронистовъ; все-же въ настоящее время было бы напраснымъ стараніемъ попытку точно опредѣлить первоначальный объемъ, время написанія, источники и автора хроники. Теперь можно сказать лишь слѣдующее: весьма вѣроятно, что Симеонъ Магистръ и Логоетъ идентиченъ съ Симеономъ Метафрастомъ, знаменитымъ переработчикомъ житій. Составленная имъ хроника обнимала, вѣроятно, время отъ сотворенія міра до смерти Романа Лакапина (948). Составленіе произведенія падаетъ не на очень позднее время; ибо даже если бы Логоетъ не былъ идентиченъ съ Метафрастомъ, время окончанія его произведенія должно было бы быть отнесено къ первымъ годамъ правленія Никифора Фоки (963—969). До сихъ поръ былъ опубликованъ подъ именемъ Симеона Магистра и Логоета относящійся къ 813—963 годамъ конецъ хроники, сохранившейся въ *Cod. Paris.* 1712. Выдержки изъ первой ея части были сообщены *Г. Гельцеромъ*. Однако вся эта хроника не имѣетъ, какъ замѣтилъ самъ Гельцеръ, ничего общаго съ Симеономъ и потому въ будущемъ во избѣжаніе недоразумѣній должна быть обозначена, какъ хроника Псевдо-Симеона.

Съ помощью греческихъ рукописей и славянскаго перевода, хроника Симеона, бывшая до сихъ поръ довольно туманнымъ понятіемъ, можетъ быть въ послѣдствіи возстановлена такъ полно и вѣрно, какъ только возможно возстановить такого рода произведенія.

Изданія: А. Издана лишь послѣдняя часть Псевдо-Симеона изъ Cod. Paris. 1712. *Combeffis* въ *Scriptores post Theophranem CP* 1685 стр. 401—498.— Не дѣлая ни малѣйшей попытки почерпнуть изъ другихъ рукописей разъясненія относительно настоящаго Симеона, *I. Bekker* повторилъ этотъ текстъ (съ нѣкоторыми поправками) въ *SB* послѣ продолженія Теофана Bonn 1838 стр. 603—760.—Повторено *PG* CIX, 663—822.—Первая часть Псевдо-Симеона была проанализирована *Г. Гельцеромъ* *Sextus Julius Africanus II, 1* (1885) 357—384. (ср. тамъ же стр. 280 и сл.).—Славянскій переводъ хроники Симеона Логовета съ дополненіями Изд. Имп. Акад. Наукъ Спб. 1905.

В. Настоящій Симеонъ еще не изданъ. До времени онъ можетъ быть замѣненъ изданіями Льва Грамматика, представляющаго довольно вѣрный списокъ или редакцію Симеона.

§ 50. Левъ Грамматикъ (Λέων γραμματικός) Θεοδοσίη Μελιτινική (Θεοδόσιος ὁ Μελιτινός), Псевдо-Полидевкъ. Съ этими именами связаны три компиляціи, требующія общаго разсмотрѣнія; если бы имя автора сохранилось въ одной изъ нихъ, то исторія литературы говорила бы просто о произведеніи Льва, Θεοδοσία или Полидевка и его переработкахъ или вариантахъ. Все же практически удобно, что мы обладаемъ теперь понятной номенклатурой для этихъ трехъ хроникъ. Какъ при изученіи Георгія Монаха, такъ и здѣсь приходится различать не редакціи, но рукописи, чѣмъ еще больше затрудняется установленіе литературно-историческихъ фактовъ. На произведенія этого рода въ Византіи никогда не глядѣли какъ на законченныя памятники литературнаго значенія, а лишь какъ на практическія руководства и настольныя книги, которыя каждый владѣлецъ или переписчикъ экскерпировалъ, расширялъ и перерабатывалъ сообразно своимъ надобностямъ и вкусу. Литературно-историческія понятія самостоятельнаго труда, редакціи и простого различія между списками часто переплетаются здѣсь между собою. Такимъ образомъ, напримѣръ, *В. Tafel* объявилъ Льва и Θεοδοσία совершенно идентичными, однимъ и тѣмъ же лицомъ¹⁾, носящимъ лишь различныя имена; но этотъ взглядъ все же совершенно не вѣренъ.

Хроника Льва Грамматика, попорченная въ началѣ, начинается съ середины предложенія размышленіемъ о грѣхопадении; за этимъ слѣдуетъ исторія отъ Адама до всемірнаго потопа, исторія евреевъ, вавилонскихъ и персидскихъ царей, Александра Великаго, Птолемея до Клеопатры, наконецъ, исторія римскихъ и византійскихъ императоровъ до кончины Романа Лекапина (948). Въ концѣ труда въ Cod. Paris. 1711 находится замѣтка, что исторія новыхъ императоровъ дополнена Грамматикомъ Львомъ въ 1013 г.; ἐτελειώθη ἡ τῶν νέων βασιλέων χρονογραφία, πληρωθεῖσα παρὰ Λέοντος γραμματικοῦ, μὴν ἰουλίῳ δ'δ'όθ', ἑορτῇ τοῦ ἁγίου μεγάλου μάρτυρος Προκοπίου, ἔτους σρκα', ἰνδικτιῶν ἐνδεκάτῃ). Видно, что Левъ признаетъ себя не авторомъ, а лишь редакторомъ болѣе стараго труда; съ этимъ согласуется и выраженіе: τῶν νέων βασιλέων: авторъ, писавшій въ 1013 г., никогда бы не приложилъ такого эпитета къ Роману Лекапину и его предшественникамъ. Левъ попросту заимствовалъ

¹⁾ Münchener Gelehrte Anzeigen 1854, 2, 3 cl. стр. 156.

это заглавіе своего источника. Таковымъ была, по всей вѣроятности, хроника Симеона Магистра и Логовета. Родство, обнаруживающееся какъ у Льва, такъ и у Θεοδοσία и Псевдо-Полидевка съ Муральтовскимъ Георгіемъ Монахомъ, происходитъ отъ того, что первоначальный Георгій былъ точно такъ же дополненъ и продолженъ изъ хроники Логовета.

Въ тѣсномъ родствѣ съ Львомъ Грамматикомъ находится хроника, сохранившаяся подъ именемъ Θεοδοσία Μελιτινσкаго. И здѣсь мы имѣемъ сначала ту же самую исторію сотворенія міра, которая встрѣчается въ попорченномъ видѣ въ началѣ хроники Льва и полностью у Псевдо-Полидевка, затѣмъ восточную, римскую и византійскую исторію до 948 г. Главное различіе Θεοδοσία (въ его теперешней редакціи) отъ Льва состоитъ въ томъ, что у него недостаетъ всей части отъ Цезаря до Діоклитіана. Кромѣ того, начиная съ Константина, у Θεοδοσία отсутствуетъ цѣлая группа характерныхъ данныхъ, отчасти общихъ Льву съ Кедринимъ. Вообще же Θεοδοσίη представляетъ собою не что иное, какъ переработку Логовета, снабженную самостоятельнымъ именемъ.

Подъ именемъ Юлія Полидевка (Ἰούλιος Πολυδεύκης) сохранилась хроника, озаглавленная Ἱστορία φυσική. Однако доказано съ полной очевидностью, что имя автора, равно какъ и заглавіе, являются поддѣлкой греческаго переписчика Андрея Дармарія, три раза переписывавшаго это сочиненіе. Его списки (Cod. Monac. gr. 181, Palat. gr. 399, Barber. gr. I 56) прямо или косвенно восходятъ къ еще сохранившемуся Cod. Ambros. D. 34 sup., стр. 10, по которому это сочиненіе было впервые издано *Bianconi*. Первоначальное заглавіе гласило: Εἰς τὴν κοσμοποιάν καὶ χρονικὸν ἑραξής. Теперь хроника этого Псевдо-Полидевка послѣ изложенія сотворенія міра, исторіи евреевъ, вавилонянъ, персовъ, Александра и Птолемея, наконецъ, послѣ становящейся все болѣе и болѣе обстоятельной исторіи римскихъ императоровъ, обрывается посреди правленія императора Валента (377 по Р. X.); первоначально же, какъ можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить по аналогіи съ подобными трудами и на основаніи использованныхъ источниковъ, она простиралась много дальше, во всякомъ случаѣ далеко въ византійское время. Для дохристіанскаго времени она согласуется вообще со Львомъ Грамматикомъ и Θεοδοсіемъ Μελιτινскимъ, хотя уже и въ этомъ отрывкѣ имѣются довольно значительныя отклоненія; между прочимъ, отъ Льва и Θεοδοσία хроника эта отличается тѣмъ, что для списковъ языческихъ государей дохристіанскаго времени въ ней использовано возникшее въ 845 г. изданное *А. Mai* *Χρονογραφεῖον σύντομον*. Окончательно нарушается это согласіе съ покоренія Египта римлянами: съ этого момента источникомъ Псевдо-Полидевка является болѣею частью «церковная исторія» Евсевія, частью прямо, частью черезъ посредство разсказа монаха Александра о

¹⁾ *SB* 331.

нахожденіи креста, взятаго въ хронику цѣликомъ; кромѣ того, авторъ использовалъ Созомена и какую сокращенную редакцію *Historia tripartita* Θεοδора Чтеца, которая цитируется и у другихъ хронистовъ, но нигдѣ такъ обстоятельно и въ такомъ чистомъ видѣ, какъ здѣсь. Въ болѣе тѣсномъ родствѣ со Львомъ и Θεοδοσιємъ стоитъ сохранившая въ Cod. Vatic. gr. 163 анонимная хроника, которую раньше, подъ вліяніемъ неточной замѣтки *V. Hase*, считали полнымъ экземпляромъ Псевдо-Полидевка; въ ватиканскомъ списокѣ, оригиналь котораго въ концѣ былъ попорченъ, хроника обрывается посрединѣ предложениа на правленіи императора Романа II (959—963); повидимому, она и не захватывала дальнѣйшихъ событій и составлена была, вѣроятно, къ концу X вѣка. Особенностью этой хроники является то, что она часто, несмотря на все свое согласіе со Львомъ и Θεοδοσιємъ, цитируетъ имена авторовъ, которыя отсутствуютъ у этихъ двухъ. Изъ другихъ наблюдений ясно также, что авторъ ватиканскаго списка почерпалъ свѣдѣнія не изъ Льва и Θεοδοσία, а самостоятельно, какъ и они, перерабатывалъ одинъ и тотъ же источникъ, именно, хронику Симеона. Свообразная для автора исторія римскихъ царей ясно указываетъ на литературный кругъ Малалы. Въ изложеніи императорскаго времени ватиканскій списокъ согласуется большей частью съ Львомъ и Θεοδοσιємъ, но и здѣсь не безъ значительныхъ отклоненій. Въ виду сохраненія весьма значительныхъ отрывковъ Θεοφана, недостающихъ у Льва и Θεοδοσία, хроника обѣщала быть важной и для критики текста этого автора. Исчерпывающее сличеніе Codex Vaticanus 163 съ напечатаннымъ текстомъ Льва, Θεοδοσία и Псевдо-Полидевка еще стоитъ на очереди. Псевдо-Полидевокъ, Θεοδοсій, Левъ Грамматикъ и Симеонъ цѣнны для насъ тѣмъ, что сохраняютъ важные древніе фрагменты, особенно Секста Юлія Африкана.

Изданія: Левъ Грамматикъ. Конецъ (813—948) издалъ впервые *Combes* въ *CP* 1655 вслѣдъ за *Θεοφаноμ.*—Повторено въ *CV* 1729. Остальную часть хроники издалъ *J. A. Cramer*, *Anecdota Parisina* 2 (1839) 248—379.—Объ части соединилъ *I. Bekker* въ *CB*: *Leo grammaticus*, Bonn 1842. Текстъ здѣсь мало исправленъ и совсѣмъ упущено изъ виду, что *Ign. Hardt* опубликовалъ уже раньше богатое собраніе вариантовъ къ Льву (въ *Neuer literar. Anzeiger* 3 Jahrg. Hälfte, Tübingen 1808, стр. 61—389); также и изданіе Юлія Поллукса *Ign. Hardt*'а, откуда можно было бы дополнить начало Льва, не принято было *Bekker*'омъ во вниманіе. Обстоятельныя рецензій на изд. *Bekker*'а, *L. Tafel*, *Gelehrte Anzeigen der Bayer. Akad.* 1854, июль—декабрь, историческій отдѣлъ, стр. 150—183.—Текстъ *Bekker*'а повторенъ въ *PG*, CVIII, 1037—1164.

Θεοδοсій Мелитинскій: Ed. gr. *L. Tafel* въ *Monumenta saecularia*, изд. кор. бавар. Акад. Наукъ III отдѣлъ, ч. I, Monachii 1859. Отрывокъ изъ того-же самаго мюнхенскаго кодекса, которымъ пользовался *Tafel*, издалъ *Martin Crusius*: *Aethiopicæ Heliodori historiae epitome Francofurti* 1584 стр. 359—375 (*Nuptiae imper. Theophili Const. anno Chr. 830 e chronico ms Θεοδοσία τοῦ Μελιτινοῦ, quod a. 1578 Steph. Gerlachius ex illa urbe Tybingam attulit*).

Псевдо-Полидевокъ: Ed. gr. *Anonymi scriptoris historia sacra ab orbe condito ad Valentinianum et Valentem imprr. e veteri codice Graeco descripta J. B. Bianconi* etc. latine vertit et nonnulla annotavit, Bononiae 1779 (изъ одного миланскаго кодекса безъ всякихъ другихъ пособій и безъ вниманія къ род-

ственнымъ авторамъ).—На основаніи мюнхенской рукописи, не зная объ изданіи болонскаго профессора, то же произведеніе издалъ *Ign. Hardt* *Ἰουλίου Πολυδεύκου ἱστορία φυσική. Julii Pollucis historia physica seu chronicon ab origine mundi usque ad Valentis tempora*. (Monachii et Lipsiae 1792). Для установленія текста *Hardt* сличилъ Θεοδοσία Мелитинскаго, Кедрина, Малалу текста *Hardt* сличилъ Θεοδοσία Мелитинскаго, Кедрина, Малалу и другихъ хронистовъ. слѣдовательно, онъ сдѣлалъ больше, нежели востѣднъ *Bekker* для своего Льва Грамматика.—*Julii Pollucis, historia physica et chronicon a J. B. Bianconio e codice Mediolanensi ἀκεφάλῳ primum descripta, nunc e codice Bavarico aucta et emendata op. Ph. Schiasii* (Bononiae 1795).

§ 51. Иоаннъ Скилица. (Ἰωάννης ὁ Σκολιτζής) занималъ видное положеніе въ Византіи; въ заглавіи его труда онъ названъ куропалатомъ и друнгариємъ тѣлохранителей; Кедринъ въ своемъ предисловіи называетъ его протовестяриємъ и еракисійцемъ, чѣмъ, по всей вѣроятности, обозначается его происхожденіе изъ Эракисійской еемы Малой Азіи. Время его жизни можно опредѣлить довольно точно. Во вступленіи онъ называетъ себя современникомъ Михаила Пселла (съ 1018—1079); его трудъ доведенъ до 1079 г., а нѣкоторыя изъ его юридическихъ писаній обращены къ императору Алексѣю Комнину; отсюда съ достовѣрностью слѣдуетъ, что онъ писалъ во второй половинѣ XI вѣка и пережилъ еще на нѣкоторое время 1081 г. Хроника Скилицы обнимаетъ время отъ возвышенія Михаила I Рангави до правленія Никифора III Вотаниата, т. е. 911—1079 г.г. Въ одной вѣнскаго рукописи, судя по заглавію, трудъ, повидимому, доходитъ до начала правленія Алексѣя I Комнина (1081). Согласно господствующему до сихъ поръ взгляду, Скилица далъ двѣ редакціи своего труда: болѣе ранняя обнимаетъ время съ 911—1057 г. (до Исаака I Комнина); въ позднѣйшей трудъ продолженъ и дополненъ до 1079 (1081) г. Это предположеніе основалось на томъ фактѣ, что Кедринъ вставилъ хронику Скилицы въ свою только для времени до 1057 г. Однако, этотъ аргументъ недостаточенъ: Кедринъ вообще свой трудъ довелъ только до этого года; еслибъ онъ захотѣлъ продолжать, то могъ бы почерпнуть свѣдѣнія вмѣсто Скилицы изъ другого источника. Замѣчаніе Θεοδора Газскаго (въ сочиненіи «О происхожденіи турокъ»), что Скилица кончаетъ Исаакомъ Комниномъ, доказываетъ слишкомъ мало, ибо возможно, что и онъ имѣлъ передъ собою лишь Кедрина и былъ этимъ введенъ въ заблужденіе, подобно новымъ изслѣдователямъ. Разрѣшенія вопроса нужно ожидать лишь отъ тщательнаго изученія рукописей¹⁾. Трудъ Скилицы, какъ и болѣе раннія хроники, является исторіей византійскихъ императоровъ, т. е. расположенъ въ порядкѣ правленія отдѣльныхъ императоровъ, причемъ рассказъ о событіяхъ правленія каждаго изъ нихъ образуетъ отдѣльный отрывокъ,—дѣленіе, стершееся у Кедрина. Въ то же время трудъ Скилицы является также продолженіемъ Θεοφана,—ясное

¹⁾ Ср. *Joh. Seger*, *Nikephoros Bryennios* (München 1888), стр. 39 (а также *C. de Boor* (B. Z., XIII, 356—369, XIV, 409—467, 757—759)). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что произведеніе Скилицы въ Cod. Marc. 605, сл. 1—261 доходитъ въ *CB* II 573, 18 (εἰς τοῦτο) лишь до Кедрина.

доказательство того значенія, которымъ пользовалась хроника послѣдняго въ послѣдующія столѣтія. Правда, показаніе автора, что онъ примыкаетъ къ Теофану, нельзя понимать совершенно буквально, ибо онъ начинаетъ приблизительно двумя годами ранѣе того момента, которымъ кончаетъ Теофанъ; однако, этотъ промежутокъ времени, именно исторію Михаила I, Скилица излагаетъ совсѣмъ кратко, давая ее, какъ вступленіе къ настоящему началу труда, къ исторіи Льва V Армянина. Продолженіемъ Теофана опредѣленно называется Скилицу уже Глика.

Въ литературно-историческомъ отношеніи интересны тѣ замѣчанія, которыя Скилица предпослалъ своему труду. Они показываютъ, что даже у одного изъ самыхъ сухихъ и, повидимому, совершенно тупыхъ византійскихъ хронистовъ были и живой интересъ къ исторіи, и довольно ясное пониманіе цѣли и назначенія своей работы, и умѣніе использовать источники, и знаніе потребностей своего времени: Во вступленіи Скилица даетъ обзоръ книгъ, изъ которыхъ до сихъ поръ можно было почерпнуть свѣдѣнія по византійской исторіи. Для ранняго времени имѣется, по его словамъ, превосходное руководство: историческое сочиненіе, начатое Георгіемъ Синкелломъ и продолженное Теофаномъ. Къ сожалѣнію, послѣ нихъ никто не предпринялъ подобной работы. Имѣющіеся труды частью слишкомъ кратки и мало основательны, какъ трудъ его современника Пселла, частью—это монографіи, какъ трудъ Генесія, Льва Діакона и другихъ. Въ нихъ изображены лишь отдѣльные періоды времени, да и тѣ изображены большей частью партійно и тенденціозно, такъ что читатель часто бываетъ вводимъ въ заблужденіе. Потому то Скилица поставилъ себѣ задачей, использовавъ какъ эти раннія работы такъ и дошедшіе до него отъ старшихъ людей устные рассказы, написать сжатое руководство по исторіи, въ которомъ будутъ выпущены партійныя данныя, сглажены противорѣчія прежнихъ показаній и дано удобное краткое изложеніе важнѣйшихъ событій. Конечно, ожиданія, возбуждаемыя этими словами, исполнены лишь отчасти, такъ какъ добрая воля и самосознаніе хрониста были выше его силъ и средствъ.

Что касается источниковъ Скилицы, то для исторіи византійскихъ императоровъ отъ вступленія на престолъ Льва V до паденія Романа I онъ пользовался преимущественно продолженіемъ Теофана, а кромѣ того, въ началѣ, для исторіи Льва V и Михаила III, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—Генесіемъ; далѣе, для исторіи несовершеннолѣтняго Константина Порфиророднаго и правленія Романа I въ одномъ мѣстѣ—Львомъ Діакономъ, въ другихъ мѣстахъ—неизвѣстнымъ намъ источникомъ со слѣдами враждебной императору партійной точки зрѣнія. Исторія единой державы Константина Порфиророднаго и Романа II совершенно не зависитъ отъ продолженія Теофана, во всякомъ случаѣ не можетъ быть возведена ни къ какому опредѣленному источнику. Для времени Исаака Комнина онъ использовалъ Михаила Атталіата. Самъ Ски-

лица былъ источникомъ для позднѣйшихъ хронистовъ, особенно для Кедрина, который вставилъ въ свой трудъ его хронику почти цѣликомъ.

Изданія: Полный текстъ напечатанъ до сихъ поръ лишь въ одномъ изъ тѣхъ латинскихъ переводовъ, которые дѣлались въ XVI вѣкѣ безъ удѣленія вниманія филологическимъ и литературно-историческимъ вопросамъ лишь въ цѣляхъ историческаго назиданія: *Historiarum compendium, quod . . . a Joanne Curopalate Scilizae (!) . . . conscriptum et nunc recens a Joanne Baptista Gabio e graeco in Latinum conversum, Venetiis 1570.*

Полное изданіе греческаго текста было сочтено излишнимъ, потому, что большая часть труда почти безъ измѣненія встрѣчается въ хроникѣ Кедрина а.—Предисловіе Скилицы ed. pr. *Monfaucou*, Bibliotheca Coislinaiana стр. 206 сл., по нему *Bekker* въ своемъ изданіи Кедрина I стр. 3 сл.—Послѣдняя часть Скилицы (1057—1079), не взятая Кедринномъ, была издана въ *CP*, какъ предисловіе къ Кедрину 2 (1647) 807—868.—Затѣмъ въ *CV* 1729.—Повторено *I. Bekker* о мѣстѣ Кедриномъ *SB* Bonn 1838—39, т. II, 641—744.—Повторено *PG* CXXII, 368—476.—Полное критическое изданіе греческаго текста подготавливается *Joh. Seger* о мѣстѣ для *BT*.

§ 52. Георгій Кедринъ (Γεώργιος ὁ Κεδρῖνος), жизнь и личность котораго намъ совершенно неизвѣстны, по всей вѣроятности, монахъ, составилъ въ концѣ XI или въ началѣ XII столѣтія *Σύνοψις ἱστορίων*, т. е. всемірную хронику. Это произведеніе начинается также съ сотворенія міра, затѣмъ заключаетъ въ себѣ, подобно Георгію Монаху, Симеону Логовету, Льву Грамматику и др., иудейскую и прочую восточную исторію, наконецъ, римскую и византійскую до начала правленія Исаака Комнина въ 1057 г. Рѣдка даже для византійскаго хрониста несамостоятельность автора выступаетъ съ достаточной ясностью въ его предисловіи. Оно въ общемъ списано со Скилицы; въ концѣ авторъ замѣчаетъ, что онъ составилъ свое руководство всемірной исторіи изъ произведенія протовестіарія Іоанна (Скилицы), Георгія Синкелла, Теофана и нѣкоторыхъ другихъ книгъ. Если мы изслѣдуемъ источники его работы, только частью поименованныя въ предисловіи, то въ самомъ дѣлѣ увидимъ, что она представляетъ собою ни что иное, какъ компиляцію изъ другихъ, намъ большей частью извѣстныхъ трудовъ. Главнымъ источникомъ является сохранившаяся въ *Cod. Paris. 1712* хроника (Псевдо-Симеонъ), затѣмъ Теофанъ, Георгій Монахъ и Симеонъ. Въ хронологіи Кедринъ придерживается Панодора и его послѣдователя Синкелла; широко пользовался онъ и Пасхальной хроникой. Наконецъ, съ 811 г. произведеніе Кедрина представляетъ собой ни что другое, какъ буквальную передачу хроники Скилицы, причемъ лишь сглажено введеніе оригинала и выпущены нѣкоторыя мѣста. Эта часть (811—1057) имѣетъ для насъ цѣнность лишь до тѣхъ поръ, пока передъ нами нѣтъ полного греческаго текста Скилицы.

Изданія: Ed. pr. Graece et Latine *G. Xylander* (Basileae 1566) съ комментариемъ, указателемъ, хронологическими таблицами.—Въ *CP* изд. *A. Fabricius*, 2 т. (Paris 1647) съ комментариемъ *Goar*'а, латинскимъ переводомъ и глоссаріемъ.—Перепечатка въ *CV* 1729.—Въ *SB* изд. *I. Bekker*, 2 т. Bonn 1838—1839, съ приложеніями *CP*; текстъ здѣсь, не въ примѣръ прочимъ томамъ *SB*, изданъ нѣсколько тщательнѣе, благодаря тому, что *Bekker* использовалъ при-

готовленное для одного взятого из Скилицы отрывка *Brunet de Presle* сличение соф. Coisl. 136, содержащего оригинальное произведение Скилицы. Все же нужно остерегаться доверять особенно неудовлетворительному здѣсь указателю.—Повторено *РГ СХХІ—СХХІІ*, 1—368.

§ 53. Иоанн Ксифилинъ (Ἰωάννης ὁ Ἐπιφύλιος). Интересъ къ изученію исторіи и къ древней литературѣ вообще, вызванный прежде всего многосторонней дѣятельностью Константина Порфиророднаго и его редакторовъ, не оставался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ же столѣтіи, а еще болѣе въ эпоху Комниновъ, мы всюду находимъ слѣды дѣятельности, ставящей себѣ цѣлью сохраненіе памятниковъ древней литературы. Къ числу авторовъ, которые были снова переработаны въ это время и хоть въ обширныхъ выдержкахъ, сохранены для потомства, принадлежитъ Діонъ Кассій. Именно, послѣ того, какъ эксерпторы Константина Порфиророднаго уже использовали Діона Кассія, два византийца, одинъ—конца XI-го, другой—начала XII-го вѣка, положили трудъ этого историка въ основу своихъ собственныхъ описаній: первый сдѣлалъ изъ доступныхъ ему книгъ Діона весьма обширное извлеченіе, рассчитанное на потребности его времени; второй, вставилъ въ рамки большой всемірной хроники другую часть этого труда, очевидно, уже ставшаго довольно рѣдкимъ. Первый изъ этихъ двухъ родственныхъ по духу писателей—Ксифилинъ, второй—Зонара; оба имени поэтому самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ исторіей античной историографіи.

Иоаннъ Ксифилинъ изъ Трапезунта, племянникъ одноименнаго патріарха, былъ монахомъ и жилъ въ Константинополѣ во 2-ой половинѣ XI вѣка. По порученію императора Михаила Паралинака (1071—1078) онъ сдѣлалъ извлеченіе (Ἐκλογαί) изъ римской исторіи Діона Кассія. Къ сожалѣнію, оно содержитъ только книги 36—80, такъ какъ въ экземплярѣ Діона, которымъ пользовался Ксифилинъ, не хватало первыхъ книгъ; но и помимо этого, въ его экземплярѣ были пробѣлы—ярко доказательство того, что дѣйствительно пора было спасти этого древняго автора, насколько это было еще возможно. Впрочемъ, есть много основанийъ предполагать, что Ксифилинъ имѣлъ подъ руками не первоначальный текстъ Діона, а лишь воспроизвелъ извлеченіе изъ послѣдняго. Такимъ образомъ, благодаря Ксифилину, сохранилось содержаніе совершенно утраченныхъ послѣднихъ книгъ Діона (приблизительно—послѣднія двѣ декады), а первыя были во многомъ дополнены и исправлены.

Изданія: Сопоставленіе всѣхъ прежнихъ изданій и переводовъ даетъ *Samuel Reimarus* въ своемъ изданіи Діона Кассія (2 тт. Hamburg 1750—52), т. II, 1543.—Переизданъ Ксифилинъ въ новыхъ изданіяхъ Діона Кассія *Bekker'a*, *Dindorf'a* и, наконецъ, *J. Melber'a* въ *BT*, Lipsiae 1890. [Объ Иоаннѣ Ксифилинѣ ср. опубликованныя совсѣмъ недавно работы прот. *К. Кекелидзе*, Иоаннъ Ксифилинъ, продолжатель Симеона Метафраста (Христіанскій Востокъ, изд. Акад. Н. т. I вып. III стр. 325—347. СПб. 1912) и *В. В. Латышевъ*: «Четыри Минеи Иоанна Ксифилина» предварительное сообщеніе. Изв. Имп. Акад. Н. VI сер. № 4 прил. СПб. 1913. (В. В.)].

§ 54. Иоаннъ Зонара (Ἰωάννης ὁ Ζωναρᾶς), подобно Скилицѣ, занималъ высокіе посты на государственной службѣ. Онъ былъ начальникомъ тѣлохранителей и завѣдующимъ императорской канцеляріей (μέγας δρουγγάριος τῆς βίβλης καὶ πρωτασκηρῆτις); позднѣе онъ удалился монахомъ на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ (островъ св. Гликеріи) и здѣсь въ уединеніи написалъ, по его увѣренію, лишь уступая настойчивымъ просьбамъ друзей, свое руководство исторіи (Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν). Время составленія его можно опредѣлить лишь приблизительно. Раннюю границу образуетъ 1118 г.; такъ какъ, во первыхъ, произведеніе кончается этимъ годомъ, а затѣмъ Зонара ясно замѣчаетъ въ концѣ ¹⁾, что онъ не считалъ полезнымъ и умѣстнымъ писать о дальнѣйшемъ періодѣ времени: «Да будетъ здѣсь предѣлъ моему труду и да остановится бѣгъ исторіи, зашедшій у меня далеко; предавать письму остальное я не считаю полезнымъ и своевременнымъ». Завершеніе труда могло послѣдовать самое позднее въ два первыхъ десятилѣтія правленія Мануила Комнина (1143—1180), такъ какъ пользуется трудомъ и цитируетъ его Глика, писавшій свою хронику при этомъ императорѣ. Этимъ опредѣляется и время жизни автора: съ конца XI столѣтія приблизительно до середины XII-го. Трудъ Зонары, раздѣленный *Du Cange'емъ* на 18 книгъ, есть всемірная хроника, начинается она съ сотворенія міра и кончается вступленіемъ на тронъ Иоанна Комнина въ 1118 г. Однако среди остальныхъ византийскихъ всемірныхъ хроникъ она занимаетъ выдающееся положеніе: она обстоятельнѣе и выдѣляется использованием большого числа недѣшедныхъ до насъ источниковъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ изъ тѣхъ тощихъ, падкихъ до чудесъ историческихъ компендіевъ, которые постоянно встрѣчаются въ исторической литературѣ византийцевъ со времени Малалы, но съ руководствомъ по всемірной исторіи, явно рассчитаннымъ на болѣе высокія потребности. Въ то время какъ другіе хронисты ограничивались использованием старыхъ византийскихъ сборниковъ, особенно Малалы, Иоанна Антиохійскаго, Теофана и Георгія Монаха, Зонара, напротивъ, обратился къ нѣкоторымъ обширнымъ старымъ историческимъ трудамъ и добылъ изъ нихъ новый матеріалъ. Будучи содержательнѣе трудовъ большинства остальныхъ хронистовъ по матеріалу, трудъ Зонары отличается отъ нихъ и формой изложенія. Въ то время, какъ хронисты передаютъ свои источники большей частью дословно, Зонара выказываетъ извѣстную самостоятельность; содержаніе своего источника онъ излагаетъ короче и, по крайней мѣрѣ, отчасти своими словами. Несмотря на эти относительныя преимущества, произведеніе его остается все же монашеской работой. Это очень замѣчательно сказывается уже въ предисловіи: по взглядамъ, развиваемымъ здѣсь Зонарой, всякая свѣтская научная работа должна считаться суетной праздною, и поэтому грѣхъ составленія своего труда онъ возлагаетъ прямо и опредѣленно на своихъ друзей. Отъ нихъ же, если мы

¹⁾ IV, 260 *BT*.

можемъ ему вѣрить, онъ получилъ точныя свѣдѣнія о принципахъ историческаго повѣствованія, которые въ существенномъ состоятъ въ требованіи краткаго, но содержательнаго изложенія. Относительно пособій при своей работѣ Зонара замѣчаетъ, что въ удаленномъ отъ всего свѣта углу, онъ принужденъ ограничиться немногими трудами¹⁾; иныхъ книгъ онъ не могъ достать, несмотря на всѣ свои старанія, потому ли, что онъ вообще потеряны, или потому что друзья, которые должны были ихъ достать, недостаточно серьезно старались; самъ же онъ пребываетъ вдали отъ Константинополя, на одномъ маленькомъ островѣ (πόρρω ἄστεως ἐν νησίφ ἐνδιακόμενος)²⁾. Достоиню вниманія, что у него, между прочимъ, не было полнаго экземпляра Діона Кассія.

Главная цѣнность Зонары заключается въ сохраненіи имъ хорошихъ источниковъ. Если онъ довольно самостоятельно переработалъ ихъ форму, то этого нельзя сказать относительно содержанія: фактической матеріалъ онъ оставляетъ почти неприкосновеннымъ. Очищающая критика преданія ему чужда; по этому поводу онъ самъ замѣчаетъ во вступленіи, что извѣстія различныхъ авторовъ часто не согласуются одно съ другимъ, и ему пришлось бы написать цѣлое сочиненіе, если бы онъ захотѣлъ примирить всѣ противорѣчія и изслѣдовать ихъ причины; отъ этого онъ долженъ отказать. Указанія, дѣлаемые самимъ Зонарой о своихъ источникахъ, недостаточны; хотя онъ и называетъ во вступленіи св. Писаніе, «Древности» Иосифа Флавія и часто цитируетъ также въ самомъ сочиненіи свои источники; но все это, понятно, дѣлалось безъ опредѣленной системы, такъ что мы оставались бы въ большомъ невѣдѣніи, если бы нѣкоторыя новыя изслѣдованія не разсѣяли здѣсь тьму. Для первыхъ 12 книгъ (отъ сотворенія міра до Константина Великаго) Зонара пользуется, смотря по матеріалу: Ветхимъ Завѣтомъ, чрезвычайно много «Иудейской войной» и сокращеніемъ «Иудейскихъ древностей» Иосифа, хроникой Евсевія, церковнымъ историкомъ Θεодоритомъ, въ обширныхъ размѣрахъ Ксенофонтомъ, всю «Киропедію» котораго онъ приводитъ сокращенно въ своей хроникѣ, столь же обильно Плутархомъ, наконецъ, Геродотомъ и Арріаномъ. Для римской исторіи отъ Энея до разрушенія Карфагена и Коринѳа Зонара имѣетъ только два главныхъ источника, именно для основныхъ нитей разсказа Діона Кассія, а для пополненія біографическихъ подробностей «Жизнеописанія» Плутарха³⁾. Въ этой части и заключается главное значеніе Зонары; ибо здѣсь онъ сохранилъ намъ отъ 1-й до 21 книги труда Діона Кассія, теперь утраченныя за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ, слѣдовательно, приблизительно четверть всего произведенія. Вмѣстѣ съ Ксифилиномъ, эксерпты котораго

даютъ возможность отчасти возстановить потерянные заключительныя книги Діона Кассія, Зонара является поэтому главнымъ пособіемъ при возстановленіи этого автора, отъ котораго самостоятельно и въ болѣе или менѣе полномъ видѣ до насъ дошла лишь средняя часть, т. е. книги 37—54. Для времени послѣ разрушенія Карфагена, для котораго у Зонары не было Діона Кассія, онъ прибѣгалъ къ выдержкамъ изъ Плутархова жизнеописанія Помпея и Цезаря. Затѣмъ опять появляется въ роли главнаго источника Діонъ Кассій, изъ котораго въ распоряженіи Зонары были (послѣ упомянутаго начинающагося приблизительно 21-й книгой пробѣла) книги 44—80, частью еще въ оригиналѣ, частью, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи Ксифилина. Зонара приблизительно съ кн. 11 гл. 21 не имѣлъ болѣе полнаго Діона, а пользовался, какъ источникомъ, «Сокращеніемъ» Ксифилина и поэтому для эпохи отъ Траяна (или Нервы) до Александра Севера трудъ Зонары для историка цѣнности не имѣетъ. Доказано это *Boissevain*. Для церковныхъ событій Зонара привлекъ Евсевія, изъ котораго онъ даетъ нѣчто вродѣ церковной статистики, удѣляя особенное вниманіе спискамъ епископовъ. Наконецъ, для времени отъ Александра Севера до Константина Великаго для политической исторіи онъ использовалъ Петра Патрикія, для церковной—Евсевія или восходящіе къ нему источники. Нельзя думать, что Зонара пользовался Поливіемъ и Аппіаномъ, ибо хотя онъ ихъ и цитируетъ, но съ одной стороны это лишь мнимыя цитаты, съ другой же стороны онъ ни разу не называетъ этихъ писателей въ нашемъ отрывкѣ (книги 7—9), что, конечно, придало бы больше вѣса этой вышеуказанной догадкѣ. Начало 13-й книги (322—450 по Р. Х.), кажется, восходитъ къ неизвѣстному потерянному для насъ источнику. Для послѣдующаго времени главнымъ источникомъ является хроника Теофана. Отъ Льва I до Юстина II (457—565) онъ пользовался наряду съ нею другимъ, до насъ не сохранившимся и неизвѣстнымъ, но безъ сомнѣнія превосходнымъ источникомъ, сохраненіемъ котораго Зонара и въ этой части пріобрѣтаетъ большую цѣнность. Этотъ неизвѣстный источникъ использованъ и Кедринномъ и въ свою очередь восходитъ къ хорошимъ древнимъ источникамъ, какъ Кандидъ и Малхъ. Кромѣ того, Зонара пользовался также Прокопіемъ, патріархомъ Никифоромъ, Григоріемъ Монахомъ въ полной редакціи, Кедринномъ и Магистромъ и Логоетомъ Симеономъ, иногда также церковными сочиненіями, наконецъ, продолженіемъ Георгія и Теофана, (біографія Василія). Изслѣдованія объ источникахъ послѣдней части, т. е. для времени съ 965 до 1118 г. у насъ еще нѣтъ; во всякомъ случаѣ здѣсь Зонара зависитъ преимущественно отъ Скилицы и Пселла. Въ какой степени названными источниками онъ пользовался дѣйствительно изъ первыхъ рукъ, выяснено не вполне. Но во всякомъ случаѣ, кромѣ оригинальныхъ произведеній, Зонара привлекалъ и позднія компіляціи. Недавно опредѣленъ подобный

¹⁾ I 5 *BT.* ²⁾ II, 339.

³⁾ *H. Nissen* Kritische Untersuchungen über die Quellen der 4. und 5. Dekade des Livius (Berlin 1863) стр. 308, хотѣлъ вывести согласие Зонары съ Плутархомъ изъ вспомогательнаго использованія послѣдняго Діономъ Кассіемъ. Ср. *H. Haupt* (Hermes, XIV 440 сл.).

побочный источникъ для римской императорской исторіи, а именно хроника, въ которой уже были обработаны въ одно цѣлое многіе древнѣйшіе труды, и которая одинаково служила источникомъ, какъ Зонаръ, такъ и автору синопсиса *Саовы* (см. § 59).

Большой распространенностью, о которой свидѣтельствуетъ многочисленность списковъ, сочиненіе Зонары обязано массѣ историческаго матеріала, собраннаго здѣсь въ цѣлый компендіумъ. Позднѣйшіе хронисты (Манассъ, Глика, Ефремъ) дѣлали изъ него обильныя выписки.

Во время расцвѣта сербско-славянской переводной дѣятельности Зонара былъ переведенъ на сербскій, позднѣе и на другіе славянскіе языки и компилированъ русскими хронистами. Въ эпоху Возрожденія Зонара также нашелъ многочисленныхъ любителей и распространялся въ латинскомъ, французскомъ и итальянскомъ переводахъ. Лишь много позднѣе обратилось къ этому автору научное изслѣдованіе; оно стремилось къ тому, чтобы выдѣлить и установить соединенные здѣсь въ пестрой мозаикѣ отрывки древнихъ авторовъ. Изложеніе у Зонары лучше, чѣмъ у предыдущихъ хронистовъ, особенно у Теофана. Правда, стиль его не одинаковъ: какъ онъ и самъ говоритъ, онъ въ языкѣ подлаживался подъ соотвѣтственные источники, чѣмъ онъ, вѣроятно, хочетъ собственно отмѣтить лишь то, что, не сознавая того, онъ подпадалъ ихъ вліянію. Такимъ образомъ его форма изложенія является какъ бы результатомъ компромисса между различно говорящими источниками; онъ умѣряетъ слишкомъ высокій слогъ однихъ, очищаетъ слишкомъ обыденный и переполненный вульгаризмами слогъ Теофана. Въ самостоятельныхъ частяхъ Зонара усваиваетъ себѣ плавное изложеніе, не прерываемое ничѣмъ неожиданнымъ, съ церковной окраской.

Подъ именемъ Зонары имѣются также церковныя писанія. Хотя мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу тождественности этого Зонары съ Зонарою хронистомъ, но ничто не говоритъ и противъ. Болѣе того, то, что хронистъ Зонара въ концѣ концовъ сдѣлался монахомъ дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ предположеніе, что мы въ немъ имѣемъ автора и этихъ церковныхъ писаній.

Изданія: Ed. pr. Ioannis Zonarae Monachi etc. in tres tomes distinctum etc. labore Hieronymi Wolfii Graece ac latine Basileae 1557, съ маленькимъ комментариемъ, указателемъ и латинскимъ переводомъ.—Въ *CP* ed. C. Du Cangius. Paris 1686—87.—Повторено въ Венеціи *CV* 1729.—Въ *CB* ex recensione Mauricii Pinderi 2 тт. Bonnæ 1841—1844 первыя 12 книгъ съ предисловіями Wolf'a и Du Cange'a, а томъ III (кн. XIII—XVIII) изд. Th. Büttner Wobst (Bonnæ 1897).—Полностью издалъ L. Dindorf *BT* (Lipsiae, 1868—1875) съ новымъ дополненіемъ на основаніи одного сод. Монас. и одного сод. Paris, равно какъ и съ приложеніями изъ *CP* и предметнымъ указателемъ.—Изданія даже Pinder'a и Dindorf'a неудовлетворительны въ своемъ основаніи; Büttner Wobst привлекъ для приготовленнаго имъ заключительнаго тома *CB* богатый рукописный матеріалъ; необходимо новое изданіе всего труда на основаніи критическаго изслѣдованія рукописей.—Полное изданіе *PG* CXXXIV, CXXXV, 1—438; CXXXVII (каноническія произведенія Зонары); сравн. CXIX, 1011.

Переводы имѣются на латинскій, италіанскій, французскій, новогреческій. О славянскихъ переводахъ см. V. Jagić *Archiv f. slav. Phil.* II (1877) 14 слл.

§ 55. Константинъ Манассъ (Κωνσταντῖνος ὁ Μανασσῆς), время жизни котораго приблизительно первая половина XII столѣтія, написалъ много произведеній политическимъ пятнадцатисложнымъ стихомъ и нѣсколько произведеній прозою. На первомъ мѣстѣ, стоитъ «Хроника», озаглавленная Σύνοψις ἱστορικῆ. Она состоитъ изъ 6733 политическихъ стиховъ, начинается по обыкновенію съ сотворенія міра и кончается смертью Никифора Вотаниата въ 1081 г. За обстоятельнымъ заглавіемъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слѣдуетъ слѣдующая замѣтка: Ἐξεφωνήθη δὲ πρὸς τὴν σεβαστοκρατορίσαν Εἰρήνην τὴν νόμφην τοῦ βασιλέως χοροῦ Μανουὴλ σὺν τῷ ἀυταδέλφῳ αὐτοῦ χορῷ Ἀνδρονίκῳ. Согласно этому свидѣтельству произведеніе написано по побужденію невѣстки императора Мануила, жены его брата севастократора Андроника. Въ краткомъ вступленіи авторъ вспоминаетъ неоднократные подарки, которыми принцесса освѣжала сухость его тяжелой работы, и затѣмъ тотчасъ же переходитъ къ своей темѣ «чтобы нѣкоторымъ людямъ рѣчь его не показалась слишкомъ льстивою» (μήπως ὑπολακτικώτερος δόξη τισὶν ὁ λόγος). Это нѣсколько странное замѣчаніе конечно, кивокъ въ сторону людей вродѣ Θεοδора Πτοχοπροδρομα, безмѣрное низкопоклонничество котораго тогда даже при дворѣ могло стать посмѣшищемъ для всякаго разсудительнаго человѣка; Манассъ, какъ человѣкъ съ чувствомъ мѣры, хочетъ лучше сдѣлать хорошаго меньше, чѣмъ слишкомъ много. Лишь въ концѣ труда онъ дѣлаетъ Комнинамъ грубый и довольно неловкій комплиментъ: исторіи Комниновъ онъ не излагалъ, ибо они переплывали такой океанъ великихъ дѣлъ, который измѣрить не могъ бы и самъ могучій Гераклъ. Въ то время какъ Ефремъ просто версифицируетъ сухой прозаическій рассказъ, романистъ Манассъ пробуетъ сообщить своему изложенію поэтической подъемъ цвѣтами краснорѣчія, эпитетами, міеологическими намеками, щедрыми описаніями, широкими сравненіями¹⁾ и экскурсами въ область морали²⁾. Историческое пониманіе и интересъ движутся въ плоскости той же мѣщанской популяризаціи, какъ у Георгія Монаха и Глики. Какъ источниками, Манассъ пользовался Діонисіемъ Галикарнасскимъ, Іоанномъ Лидійцемъ и Іоанномъ Антиохійскимъ въ его первоначальной редакціи, т. е. безъ тѣхъ церковно-историческихъ добавленій, въ связи съ которыми Іоаннъ вліялъ на позднѣйшую хронистику. (Симеона Магистра и Логоета и др.); въ расположеніи исторіи императоровъ Манассъ также оказывается въ удивительномъ согласіи съ салмасіевскимъ Іоанномъ. Для позднѣйшаго времени Манассъ пользовался, кромѣ Псевдо-Симеона, главнымъ образомъ той обширной хроникой, которая служила источникомъ для Зонары и для синопсиса *Саовы*. О распространенности, которой пользовалась хроника Манасса, свидѣлствуютъ и большое число сохранившихся до насъ списковъ ея и то большое вниманіе, которымъ она пользовалась у

1) Напр.: стиль 2648 и сл.; 4039 сл.; 4184 сл.; 4498.

2) Напр. О растлѣвающимъ дѣйстви зависти стиль 3234; 3248 сл.

позднѣйшихъ византійцевъ. Первымъ ее использовалъ Михаилъ Глика, затѣмъ, вѣроятно, во время еще весьма близкое къ Манассу, она была также подвергнута свободной прозаической обработкѣ. Отъ этой послѣдней съ одной стороны ведутъ начало согласующіеся съ Манассомъ экскерпты Плануда, съ другой—большіе отрывки анонимной всемірной хроники на простонародномъ языкѣ, которая имѣется у насъ во многихъ по языку и содержанию сильно отличающихся редакціяхъ. Кромѣ Манасса, въ это произведеніе, необыкновенно важное для знакомства съ народнымъ историческимъ пониманіемъ византійцевъ и для изученія греческаго языка, вплетены на большомъ протяженіи также Теофанъ, Георгій Монахъ, Кедринъ, Зонара и другіе. Въ одной редакціи большіе отрывки Манассовой парафразы замѣнены отрывками изъ Зонары.

Подобно другимъ хронистамъ, и Манассъ перешелъ къ славянамъ: появившійся около 1350 г. славянскій переводъ его хроники принадлежитъ къ выдающимся трудамъ такъ называемой средне-болгарской литературы. Великолѣпная, снабженная иллюстраціями рукопись этого еще неизданнаго перевода находится въ Ватиканской бібліотекѣ. Въ то время какъ славяне усвоили оригинальное произведеніе Манасса, румыны удовольствовались упомянутой отчасти восходящей къ Манассу анонимной всемірной хроникой на простонародномъ языкѣ: болѣе короткая и притомъ пополненная отрывками изъ Малалы, Кедрина и другими добавленіями редакція ея переработана была въ румынскую всемірную хронику.

Изданія: Ed. pr. *Meursius* Lugduni Batavorum 1616.—Ed. *A. Fabrotus* Paris 1655. Ed. *J. Bekker* CB 1837 (вмѣстѣ съ Іоилемъ и Георгіемъ Акрополитомъ).—Повторено PG СХХІІІ, 216—472.

Переводы: Латинскій, славянскій. О славянскомъ переводѣ см.: *V. Jagić* Arch. f. slav. Phil. 2 (1877) 12 и слл. Нѣсколько снимковъ изъ ватиканской рукописи славянскаго перевода (Cod. slav. 2) у *G. Schlumberger* Nicéphore Phocas стр. 567, 571, 573, 575. Описанія ватиканской р-си въ Ж. М. Н. Пр. 1839 г. 22 и у *Востокова*. Описанія Румянц. Муз. (СПб. 1842), стр. 382—391.

§ 56. Михаилъ Глика (Μιχαήλ ὁ Γλοχᾶς) родился въ первой трети XII вѣка и прожилъ до конца этого столѣтія. Въ 1159 г. онъ былъ замѣнанъ въ какой-то—въ какой, точно не извѣстно—политическій процессъ и былъ заточенъ; изъ тюрьмы онъ обратился къ императору Мануилу съ сохранившимся до насъ просительнымъ стихотвореніемъ на простонародномъ языкѣ. Наказанный, несмотря на это, ослѣпленіемъ, которое, однако, было вполне, очевидно, въ мягкой формѣ, онъ, впавъ въ слѣдствіе осужденія въ бѣдность, обратился еще разъ въ 1164 г. къ императору, представивъ ему написанное политическими стихами собраніе народныхъ пословицъ съ богословскими толкованіями, къ которымъ въ видѣ пролога и эпилога были присоединены панегирикъ и просьба въ стихахъ. Немного позднѣе Глика написалъ популярную всемірную хронику. Наконецъ, въ семьмъ или восьмомъ десятилѣтіи двѣнадцатаго столѣтія онъ использовалъ свои естественнонаучныя и богословскія познанія, ясно выступающія уже въ его аллегоріяхъ къ пословицамъ и въ хроникѣ: онъ далъ

письменные отвѣты на многочисленные дѣйствительно обращенные къ нему или выдуманые вопросы изъ области богословія. При помощи этихъ писемъ онъ старался пріобрѣсти или, быть можетъ, сохранить милость высокопоставленнаго, особѣ послѣ того, какъ попытки его приблизиться къ самому императору, кажется потерпѣли въ концѣ концовъ неудачу. О происхожденіи Глики, если вѣрить *Лаббе*, рукописныя заглавія говорятъ, что онъ былъ сициліецъ (Σικελιώτης). Само по себѣ это возможно, только я не видалъ ни одной рукописи, въ которой Глика былъ бы названъ сициліцемъ; зато въ одной рукописи находится опредѣленное указаніе, противорѣчащее сообщенію *Лаббе*. Въ рукописи монастыря τῶν Κλημάδων на Олимпѣ, по которому *Euthymiades* опубликовалъ часть хроники, заглавная эпиграмма, встрѣчающаяся и въ другихъ рукописяхъ, содержитъ два слѣдующихъ заключительныхъ стиха:

Κερκόρας θρέμμα καὶ τοῦ κόσμου τὸ θαῦμα,
οὐ γὰρ ὑπάρχεις ὁ συγγραφεὺς τῆς βίβλου.

Если эти стихи считать подлинными, то родиной Глики является Корфу¹⁾. Согласно рукописнымъ заглавіямъ онъ занималъ должность секретаря (γραμματικός)²⁾. Вотъ все что, можно установить о жизни Глики.

Изъ произведеній Глики мы узнаемъ, что онъ былъ начитанъ, но не обладалъ тѣмъ утонченнымъ литературнымъ образованіемъ, какое не было рѣдкостью во время Комниновъ. То что въ рукописяхъ онъ называется ученѣйшимъ и мудрѣйшимъ (λογιώτατος, σοφώτατος) ничего не значитъ. Скорѣе Глика принадлежитъ къ довольно рѣдкимъ въ Византіи представителямъ народной образованности и народнаго направленія. Въ эпоху Комниновъ, когда педантическій классицизмъ клеймилъ каждое народное движеніе печатью необразованности и насильственно его подавлялъ, подобное явленіе интересно вдвойнѣ. Нужно было имѣть нѣкоторое мужество, чтобы выступать противъ все болѣе возраставшаго стремленія къ архаизаціи языка и литературы. Въ руководящихъ кругахъ человѣкъ съ такими еретическими склонностями не могъ имѣть успѣха. Тѣмъ больше было его вліяніе на широкіе слои низшаго клира и народа. Глика, какъ нѣкогда Малала, правильно угадалъ ихъ вкусъ. Это доказываетъ намъ широкое распространеніе его хроники и его богословскихъ писемъ. Тогда только и возможно понять литературную дѣятельность всей жизни этого человѣка, если мы поставимъ его въ связь съ стремленіями и результатами трудовъ хронистовъ, какъ Малала, Теофанъ и Георгій Монахъ, съ богословскими авторами вродѣ Іоанна Лѣствичника, съ которымъ Глика раздѣляетъ также пристрастіе къ народнымъ пословицамъ, наконецъ, съ приверженцами народнаго языка, вродѣ Птохопродрома.

Главнымъ произведеніемъ Глики является его всемірная хроника: Τοῦ κοροῦ Μιχαήλ τοῦ Γλοχᾶ βιβλὸς χρονικῆ. Она распадается

¹⁾ *E. Legrand*, *Bibl. gr. vulg.* I. *Introduct.* p. XX.

²⁾ Смотр. выше стр. 46 прим. 1.

на четыре части: первая излагает историю сотворения мира, вторая—события иудейской и восточной истории, третья—римскую эпоху до Константина Великого, четвертая—историю последующих императоров до смерти Алексѣя Комнина. Главную цѣль Глика, какъ онъ даетъ понять въ одномъ примѣчаніи, поставилъ себѣ невозможнѣйшую краткость. Этому правилу онъ остается вѣренъ, но, конечно, не въ томъ смыслѣ, что онъ ограничивается суммарнымъ перечисленіемъ важнѣйшихъ фактовъ и даетъ такимъ образомъ остовъ всемирной истории, нѣтъ: въ то время какъ многія изъ важнѣйшихъ событий, особенно военныя, затронуты слегка и поверхностно, естественно-историческимъ и анекдотическимъ и богословскимъ отступленіямъ удѣлено непропорционально много мѣста. Основной тонъ, слѣдовательно, тотъ же, что и въ другихъ всемирныхъ хроникахъ. Однако, хроника Глика отличается отъ нихъ нѣсколькими весьма значительными особенностями. Очевидно, онъ не былъ доволенъ ни распространенными въ его время старыми хрониками Теофана, Георгія Монаха, Симеона и др., ни тогда только что опубликованными произведеніями Зонары и Манасса, и считалъ необходимымъ дать юношеству и широкимъ кругамъ народа дѣйствительно новую книгу. Отсюда происходитъ то, что въ выборѣ всемирно-историческаго матеріала, его расположеніи и обработкѣ онъ обнаруживаетъ поразительную самостоятельность сравнительно съ предшествующими хронистами. Глика одинъ возымѣлъ мысль вплести въ историю творенія, изложенную имъ съ величайшей обстоятельностью, мудрость «Физиолога», и по справедливости мы должны признать счастливой его мысль оживить столь любимой въ средніе вѣка сказочной зоологіей сухой матеріалъ хроники. Помимо разсказовъ «Физиолога», Глика включилъ въ свой разсказъ о созданіи камней, растений, звѣрей, естественно-научный матеріалъ изъ Эліана и, конечно, изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ первая книга Глика не имѣетъ ничего общаго съ той исторіей творенія, которую предпосылали своимъ хроникамъ Симеонъ и его послѣдователи. Дальнѣйшая особенность этой хроники состоитъ въ необыкновенно обстоятельныхъ богословскихъ разсужденіяхъ; эти послѣднія состоятъ большею частью изъ мѣстъ отцовъ церкви и могутъ быть сравниваемы съ какойнибудь «Златою цѣпью». Естественно-историческіе и богословскіе экскурсы у Глика такъ обильны, что характеръ хроники на большомъ протяженіи совершенно теряется. Третьей особенностью хроники является паренетическая форма ея: Глика не только посвящаетъ свое произведеніе своему сыну, котораго въ краткомъ вступленіи онъ называетъ своимъ «милымъ дѣткой», но и удерживаетъ форму дидактическаго наставленія ему на протяженіи всего произведенія. Благодаря частымъ обращеніямъ (Πρόσθε ἀγαπήτέ, Ὁρα δέ, Εἰδέναι ὀφείλεις и т. д.), получается искренній личный тонъ, выгодно отличающійся отъ обычной въ другихъ хроникахъ формы разсказа.

Изслѣдованіе источниковъ Глика облегчается нѣсколько тѣмъ, что онъ при каждомъ случаѣ ссылается на тѣ авторитеты на которыхъ основываются его сообщенія; при этомъ, конечно, нужно еще изслѣдовать, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ фиктивными

цитатами. Для истории творенія онъ называетъ извѣстныхъ отцовъ церкви, каковы: Иустинъ Мученикъ, Василиій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Теодоритъ Сирскій, Максимъ Исповѣдникъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Анастасій Синаитъ, а также и менѣе извѣстныхъ, какъ Патрикій Прузскій и др. Главное вниманіе, конечно, удѣлено авторамъ «шестоднезовъ». Характерно для направленія ума Глика то, что наряду съ признанными церковными авторитетами въ подтвержденіе своихъ словъ онъ ссылается на народный романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Для историческаго времени онъ использовалъ Кедрина, Зонару, а для истории съ 811 г. наряду съ Зонарой Скилицу, причемъ иногда трудно различить, взяты ли отрывокъ изъ Зонары или изъ источника его, Скилицы. Глика, несомнѣнно, привлекъ въ качествѣ матеріала и стихотворную хронику Манасса, какъ это доказываютъ нѣкоторые удѣлѣнные стихи и полустихія. Наконецъ, использовалъ онъ и Пселла, а для нѣкоторыхъ извѣстій еще спеціальныя писанія, въ родѣ популярной біографіи патріарха Игнатія, составленной Никитой Пафлагонцемъ. По способу пользования источниками Глика не стоитъ выше другихъ хронистовъ; но иногда вслѣдствіе поверхностнаго отношенія встрѣчаются и грубыя ошибки.

Изданія: Сперва латинскій переводъ: *Annales Michaelis Glycae sicuti etc. nunc primum Latinam in linguam transcripti et editi per Jo. Leunclavium Basileae 1572.*—Первое полное изданіе въ *CP Phil. Labbaeus, Paris 1660.*—Повторено *CV 1729.*—Въ *CB* recogn. *I. Bekker Bonn 1836* (изобилуетъ опечатками и другими шероховатостями).—Повторено *PG CLVIII, 1—624.*

§ 57. Іоиль (Ἰωήλ), личность котораго совершенно неизвѣстна, написалъ, вѣроятно, въ эпоху Латинской имперіи (1204—1261), на которую, повидимому, намекаетъ заключительное замѣчаніе, краткую всемирную хронику: *Χρονολογία ἐν συνόψει*. Начинаясь отъ Адама она даетъ сначала краткій очеркъ истории евреевъ и другихъ народовъ Востока, затѣмъ очеркъ римской исторіи, наконецъ, историю Византии до завоеванія Константинополя латинянами въ 1204 г. Эта хроника въ своей главной части представляетъ, кажется, нечто иное, какъ выдержку изъ Георгія Монаха и его первого продолженія (до 948 г.). Для исторіи послѣдующаго времени Іоиль пользовался Скилицей. Вся эта компиляція крайне скудна и не имѣетъ никакой ни исторической, ни литературной цѣнности; авторъ сообщаетъ лишь имена и годы царствованія отдѣльныхъ императоровъ, прицѣпля къ нимъ нѣкоторыя краткія извѣстія, касающіяся личныхъ отношеній или церковныхъ событий.

§ 58. Іоаннъ Сицилійскій (Ἰωάννης ὁ Σικελιώτης). Съ этимъ именемъ связывается еще не разрѣшенная проблема; дѣло въ слѣдующемъ. Въ рукописи *Cod. Vindob. hist. gr. 99, XIV* вѣка, переплетенной въ одинъ томъ съ рукописью № 98, стоитъ (лл.

Изданія: Ed. gr. въ *CP Leo Allatius* вмѣстѣ съ Георгіемъ Акрополитомъ и Іоанномъ Кананомъ *Paris 1651.*—Повторено *CV 1729.*—Въ *CB* recogn. *I. Bekker Bonn 1837* съ Манассомъ и Георгіемъ Акрополитомъ (безъ улучшенія текста).—Повторено *PG CXXXIX 223—238.*

1—14) начало хроники подь заглавіемъ: Σύνοψις χρονική ἀπό Ἀδάμ τὴν ἀρχὴν λαβοῦσα καὶ πάσας διεξιούσα τὰς ἐπὶ γῆς μεγάλας βασιλείας τοὺς τε τῆς Κωνσταντινουπόλεως βασιλέας καὶ πατριάρχας ἀκριβῶς καταλέγουσα ἕως τῶν χρόνων τῆς βασιλείας Κορνηθοῦ Θεοδώρου τοῦ Λάσκαρι. Затѣмъ слѣдуетъ позднѣйшая приписка: σικελιώτου ἰωάννου, а надъ этимъ другою рукою написано еще разъ Ἰωάννου Σικελιώτου. Хроника начинается словами: Ἀδὰμ ὁ πρῶτος ὑπὸ θεοῦ πλασθεὶς ἄνθρωπος. Послѣ краткаго хронологическаго обзора древнѣйшей исторіи ассирійцевъ, египтянъ, грековъ, евреевъ, персовъ и Птолемеевъ слѣдуетъ подробное изложеніе сказаній о Троянской войнѣ. Здѣсь въ серединѣ разсказа рукопись обрывается. Такимъ образомъ утрачена большая часть произведенія, которое, судя по заглавію, доходило до Θεοδώρα Λάσκαρη (1204). Начало этого труда соотвѣтствуетъ началу обслѣдованнаго Гельцеромъ Хρονικὸν ἐπίτομον, ¹⁾ (въ Cod. Vindob. theol. gr. 40, а по всей вѣроятности и въ Cod. Vatic. gr. 433 XIV вѣка, л. 244). Часть, содержащая сказанія о Троянской войнѣ, заимствована, вѣроятно, изъ Іоанна Антиохійскаго, а весь отрывокъ совпадаетъ въ главномъ своемъ содержаніи съ началомъ «Синописиса» Саови, гдѣ, однако, нѣтъ сказаній о Троѣ, — такъ что въ основѣ обѣихъ хроникъ лежитъ, кажется, общій источникъ. Начало краткой хроники въ Cod. Vatic. gr. 432 л. 244 сходно съ вѣнскимъ фрагментомъ; но послѣ первой же фразы она переходитъ въ ту таблицу, которую даетъ патриархъ Никифоръ въ Χρονογραφικὸν σύντομον, и поэтому не можетъ быть принята во вниманіе при вопросѣ объ Іоаннѣ Сицилійцѣ.

Вторая важная рукопись, въ которой упоминается Іоаннъ Сициліецъ, какъ хронистъ, это Cod. Vatic. Pal. 394, XVI в., 382 лл. Заглавіе ея: Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν παρὰ Ἰωάννου μοναχοῦ τοῦ Σικελιώτου τοῦ καὶ χρηματίσαντος ὑστερον πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης. Хроника обнимаетъ время отъ Адама до 866 г. и начинается такъ: Πολλοὶ τῶν ἔξω φιλόλογοι καὶ χρονογράφοι. Въ концѣ находится замѣтка: Ἔως (ᾧδε) τὰ χρονικά Γεωργίου καὶ λογοθέτου. Такимъ образомъ это сочиненіе не что иное, какъ одинъ изъ многочисленныхъ изводовъ Георгія Монаха съ выдержкой изъ продолженія Симеона Логоѣета.

Итакъ оказывается, что хронистъ Іоаннъ Сициліецъ прежде всего довольно загадочная личность. Правда, Скилица въ предисловіи къ своей хроникѣ называетъ среди своихъ предшественниковъ какого-то учителя изъ Сициліи (οἰονό Σικελιώτης διδάσκαλος) и само собою напрашивается желаніе отождествить Іоанна Сицилійца съ упомянутымъ тамъ безыменнымъ сицилійцемъ. Но въ вѣнской рукописи имя приписано позднѣе, и произведеніе доходило тамъ до Θεοδώρα Λάσκαρη. Если бы такимъ образомъ нашъ авторъ дѣйствительно былъ сициліецъ, упомянутый Скилицей, то слѣдуетъ предположить, что къ его труду было кѣмъ-то прибавлено довольно обширное продолженіе и, несмотря на это, весь трудъ былъ названъ

¹⁾ Sextus Julius Africanus II 1, стр. 345 и слл.

именемъ первоначальнаго автора. Кромѣ того, близкое родство хроники съ «Синописисомъ» Саови дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что и для вѣнской хроники былъ использованъ источникъ, сходный съ источникомъ «Синописиса» и доходящій до 1081 г.; но въ такомъ случаѣ авторъ не могъ быть предшественникомъ Скилицы. Вопросъ не подвинется ближе хоть къ сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію, если мы сопоставимъ хрониста Іоанна съ сицилійцемъ Іоанномъ Доксопатромъ, который также называется Іоанномъ Сицилійцемъ. Такъ какъ и этотъ послѣдній жилъ ранѣе императора Θεοδώρα Λάσκαρη, то и здѣсь остается въ силѣ предположеніе о кѣмъ-либо написанномъ продолженіи; кромѣ того, нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія о хронографической дѣятельности этого ритора. Вопросъ скорѣе болѣе затрудняется, чѣмъ выясняется, заглавіемъ рукописи Cod. Pal. 394. *Аллацій*, въ виду прибавки словъ τοῦ καὶ χρηματίσαντος и т. д., отождествилъ автора хроники съ патриархомъ Іоанномъ Гликисомъ (1315—1320); *Walz* считалъ авторомъ Іоанна Каматира, занимавшаго въ 1204 г. патриаршій престолъ, и полагалъ, что Іоаннъ при своемъ возведеніи на престолъ перемѣнилъ свое прежнее прозвище на имя Каматира. Въ дѣйствительности же при вступленіи въ монашество или при возведеніи въ санъ патриарха было въ обычаѣ мѣнять только имя, данное при крещеніи. Обѣ эти гипотезы грѣшатъ, впрочемъ, противъ хронологіи; но, если вообще имя Іоаннъ Сициліецъ имѣетъ цѣнность, то его нужно приравнять или къ сицилійцу Скилицы или же къ Іоанну Доксопатру, но оба они старше вышеназванныхъ патриарховъ; главное же затрудненіе въ томъ, что, приписываемое позднѣйшему патриарху Іоанну произведеніе, находящееся въ Палатинской рукописи, есть не что иное, какъ хроника Георгія Монаха. Выходитъ такъ, какъ будто Іоаннъ Сициліецъ присвоилъ себѣ вопреки всякому праву этотъ широко извѣстный трудъ, распространенный въ безчисленныхъ рукописяхъ съ именемъ Георгія; однако, противъ этого говоритъ заключительное примѣчаніе, въ которомъ, какъ и во многихъ другихъ рукописяхъ, сочиненіе приписывается Георгію и Логоѣету. *Lancia* пытался устранить это противорѣчіе тѣмъ, что онъ прямо отождествилъ извѣстнаго хрониста Георгія Монаха съ сицилійцемъ Скилицы и съ нашимъ Іоанномъ Сицилійцемъ. Однако, и это нѣсколько неожиданное рѣшеніе запутаннаго вопроса основано на безнадежныхъ гипотезахъ. Если не придуть на помощь новыя рукописи, то едвали разсѣется мракъ, покрывающій хроникѣ Іоанна Сицилійца. Но уже и теперь твердо установлено, что вѣнскій текстъ, носящій—справедливо или нѣтъ, вопросъ другой—имя Сицилійца, занимаетъ между позднѣйшими хрониками очень видное положеніе, благодаря большому отрывку сказаній о Троѣ.

Изданія: Вторую половину хроники по Cod. Vindob. hist. gr. 99 изд. А. Heinrich die Chronik des Joannes Sikeliota der Wiener Hofbibliothek (Gymnasialprogramm Graz 1892).—Маленькій отрывокъ изъ Cod. Vat. Palat. 394 изд. А. Mai, Script. vet. nova coll., IX, 376.

§ 59. Синописи Саовы. По рукописи № 407 библиотеки св. Марка въ Венеціи *К. Н. Сава* издалъ очень обширную *Σύνοψις χρονική*, которая начинается отъ сотворенія міра и доходитъ до освобожденія Константинополя отъ латинскаго владычества въ 1261 г. Авторъ этой хроники былъ, какъ видно изъ ея заключенія, младшимъ современникомъ Георгія Акрополита и близкимъ другомъ патріарха Арсенія и, слѣдовательно, писалъ около конца XIII вѣка. Авторъ намѣренно скрываетъ свое имя: онъ написалъ свой трудъ не ради честолюбія и славы и представляетъ читателю считать авторомъ книги кого ему угодно. Произведеніе этого скромнаго чловѣка представляетъ собою компиляцію, въ которой во всякомъ случаѣ немного самостоятельной работы. Обработка матеріала очень неравнобѣрна: вся древнѣйшая и древняя исторія до Никифора Вотаніата рассказана на 171 страницѣ (изданія *Саовы*). Затѣмъ слѣдуетъ отдѣленное отъ предшествующаго изложенія даже внѣшнимъ образомъ—именно хрисовуломъ императора Алексѣя I Комнина—болѣе детальное изображеніе промежутка времени отъ 1081 г. до 1261 г., (384 стр.). Об источникахъ сочиненія извѣстно слѣдующее. Еврейская и персидская исторія до Птолемея основаны на лѣтописи, гдѣ *Χρονικόν ἐπιτόμον* соединено съ сокращенной хроникой, использованной Симеономъ Логоетомъ (или Львомъ Грамматикомъ) и Кедринимъ¹⁾. Въ изложеніи римской и византійской исторій появляются уже важныя болѣе древніе источники, какъ, напр., Іоаннъ Лидіецъ, Зосима, мѣстами Прокопій, но прежде всего Малала, затѣмъ Теофанъ и одинъ неизвѣстный источникъ, которымъ пользовался Манассъ, и, наконецъ, церковно-историческія сочиненія. Вѣроятно, впрочемъ, этотъ богатый матеріалъ не былъ использованъ авторомъ непосредственно, а въ большей своей части былъ заимствованъ изъ какой-то другой компиляціи; это доказывается рѣзко бросающимися въ глаза совпаденіями съ Зонарой, которая могутъ быть объяснены лишь тѣмъ, что и Зонара, точно такъ же, какъ и анонимный авторъ, нашелъ часть своихъ источниковъ обработанными и соединенными въ одинъ сводъ. Этотъ сводъ доходилъ до 1081 г., и около 1150 г. онъ былъ использованъ Зонарой; слѣдовательно, составленіе его должно относиться приблизительно къ первой трети XII-го вѣка. Въ главной части, излагающей время Комниновъ, Ангеловъ и Никейскихъ императоровъ, синописи совпадаетъ въ главномъ съ Зонарой, Анной Комниной и съ началомъ хроники Никиты Акомината, но здѣсь нельзя указать никакого опредѣленнаго источника; вскорѣ²⁾, однако, мы находимъ прямую выдержку изъ двухъ главныхъ источниковъ для послѣдующаго времени—Никиты Акомината и Георгія Акрополита. Въ заимствованной изъ Никиты части встрѣчается лишь одна самостоятельная прибавка анонима автора—описаніе Каппадокіи¹⁾; въ послѣдней части, въ основу которой положено сочиненіе Акрополита, такія

¹⁾ *E. Patzig* въ *B. Z.* III стр. 470 и сл.

²⁾ Стр. 188,9 и сл.

прибавленія встрѣчаются чаще. Это именно тѣ самыя добавленія, которыя вставлены въ текстъ Акрополита въ *Cod. Ambros. A 202 inf.* Въ отношеніи стилистической обработки Акрополита также существуетъ нѣкоторое сходство между анонимомъ *Саовы* и редакторомъ миланской рукописи. Быть можетъ, оба они одно и то же лицо, такъ что миланскій экземпляръ Акрополита слѣдуетъ размагнривать, какъ своего рода подготовительную работу автора Синописиса (см. выше стр. 53).

Синописи использованъ позднѣйшими авторами. Слѣды его замѣтны въ выдержкахъ *Cod. Vatic. 1889 XIV* вѣка и въ тѣхъ дополненіяхъ къ Георгію Монаху, которыя дѣлаютъ Венеціанскую рукопись богаче содержаніемъ по сравненію съ *Cod. Paris.* (изд. *Muralt* стр. 865 и сл.).

Изданіе: *К. Н. Sathas* *Μετ. Βιβλ. VII* (1894) 1—556.—Здѣсь же на стр. 547—610 *Сава* обнаруговала по рукописи *Lincoln College* въ Оксфордѣ XVI вѣка сжато написанную хронику *Ἐκδρασις χρονική*. Въ ней рассказаны греко-турецкія событія съ послѣднихъ лѣтъ императора Мануила II (1425) до Селима I (1512). Источниками для начала были Дукка и Франзъ.

§ 60. Θεόδωρος ἐπίσκοπος Κιζικῆς (Θεόδωρος ὁ Κιζικῆος) написалъ всемірную хронику, доходящую до изгнанія латинянъ изъ Константинополя Михаиломъ Палеологомъ въ 1261 г. Авторъ бросаетъ лишь бѣглый взоръ на время отъ сотворенія міра до эпохи Алексѣя I Комнина; только съ этого момента рассказъ становится подробнѣе. Θεόδωρος или, быть можетъ, авторъ, эмперириовавший его трудъ, оправдываетъ такую неравнобѣрную обработку матеріала подобно Скилицѣ въ его предисловіи и Гликѣ въ концѣ его третьей книги²⁾, причемъ о своихъ предшественникахъ въ области хронографіи онъ говоритъ слова Глики. Проявляющееся здѣсь незнаніе широко распространенныхъ трудовъ Зонары, Манасса и Глики даже для совершенно невѣжественнаго рассказчика было бы чрезвычайно странно; поэтому и ожиданія, которыя могли бы возникнуть въ связи съ этой лишь недавно открытой хроникой, должны быть очень умѣренны. Ничего больше неизвѣстно о личности автора; но, быть можетъ, онъ тождественъ съ митрополитомъ Кизикскимъ Θεодоромъ Скутариотомъ, который извѣстенъ какъ древній владѣлецъ *Cod. Marc. 407* и содержащаго «Сокровище православія» Никиты Акомината *Cod. Paris. 1234*. Съ такимъ предположеніемъ прекрасно согласуется содержаніе *Cod. Marc. 407*, заключающаго въ себѣ вышеупомянутый синописи *Саовы*: дѣло въ томъ, что и синописи, какъ и хроника Θεодора, становится подробнѣе съ Алексѣя I-го Комнина и подобно послѣдней доходитъ до 1261 г. Тутъ возникаетъ даже вопросъ, не было ли произведеніе Θεодора простой переработкой синописиса *Саовы*.

Изданіе: Сохранившіяся части труда находятся въ довольно спутанномъ видѣ въ рукописи XVI вѣка N въ *Cod. Athous 3758* стр. 1088—1225.—Ср. описаніе *Sp. Lambros, Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos 1* (1895) 371.

¹⁾ Стр. 457, 12—21, *CB.*

²⁾ Стр. 205,20—206,4.

§ 61. Ефремъ (Еφραῖμ), Биографія Ефрема, автора стихотворной хроники, неизвестна намъ; его произведение составлено, кажется, около 1313 г., такъ какъ этимъ годомъ оканчивается приложенный къ нему списокъ патриарховъ, который, по всей вѣроятности, былъ доведенъ авторомъ до своего времени. Хроника Ефрема изображаетъ въ 9564-хъ византійскихъ триметрахъ римско-византійскую исторію отъ Юлія Цезаря до изгнанія изъ Константинополя латинянъ въ 1261 г. Въ началѣ изъ единственной намъ известной рукописи утрачена та часть, въ которой повѣствовалося о Юліи Цезарѣ, Августѣ и Тиверіи. Точно также погубло и первоначальное заглавіе: издатель *A. Mai* озаглавилъ произведение по собственнымъ догадкамъ *Εφραῖμου χρονική Καίσαρος*. Что авторомъ хроники былъ именно Ефремъ, знаемъ мы отъ *Аллація*, видѣвшаго рукопись въ сохранности и часто ее цитировавшаго. Извѣстія, которыя Ефремъ передаетъ о прежнихъ императорахъ, ограничиваются большею частью нѣкоторыми личными чертами и любопытными анекдотами; центръ тяжести при изображеніи каждаго императора падаетъ на описание его отношенія къ христіанству и его нравственныхъ качествъ. Биографія каждаго императора предпосылается, въ видѣ заглавія, его имя и годы его царствованія. Такимъ образомъ произведение это представляетъ собою стихотворный списокъ императоровъ, преслѣдующій цѣли христіанскаго назиданія. Первый императоръ, о которомъ авторъ говоритъ подробнѣе и съ большимъ участіемъ, разумѣется, Константинъ Великій. Политическій упадокъ имперіи мало огорчаетъ автора. Его этнографическія представленія такъ же сбивчивы, но отъ страха передъ варварскими названіями затемнены еще больше, чѣмъ у другихъ византійскихъ историковъ; онъ безъ разбора даетъ имя «скивовъ» всевозможнымъ германскимъ и другимъ народамъ, которые нападали на Римскую имперію. На полное отсутствіе историческаго пониманія указываетъ, между прочимъ, то, что правленіе Юстиніана, о которомъ онъ могъ бы все же гораздо больше сказать, занимаетъ всего 33 стиха; такимъ образомъ рассказъ о немъ короче рассказа о царствованіяхъ большинства его предшественниковъ и преемниковъ. Нѣсколько подробнѣе изложена исторія начиная съ VIII столѣтія; но болѣе половины всей хроники, подобно синопсису *Саовы*, посвящено ближайшей къ автору эпохѣ Комниновъ, Ангеловъ и Никейскихъ императоровъ, которая и изображена съ все возрастающей обстоятельностью; заключеніемъ служить описаніе торжественнаго въѣзда Михаила Палеолога въ отвоеванный у латинянъ Константинополь въ 1261 г. Къ хроникѣ приложена, въ видѣ церковно-историческаго дополненія, составленная тѣмъ же авторомъ таблица византійскихъ патриарховъ до 1313 г. (стихи 9565—10392); она проникнута ясно выраженной тенденціей (основывающейся на возникшихъ еще въ V в. и уже при Юстиніанѣ официально признанныхъ писаніяхъ Дороея) отодвинуть начало византійскаго епископата къ возможно болѣе ранней эпохѣ, такъ, что основателемъ его называется апостоль Андрей. Въ немногихъ словахъ и еще гораздо

однообразнѣе, чѣмъ о первыхъ римскихъ императорахъ, рассказывается здѣсь о происхожденіи, характерѣ, образованіи и судьбахъ отдѣльныхъ патриарховъ. Неравномѣрность хронологическихъ рамокъ этихъ двухъ произведеній легко объясняется предположеніемъ, что авторъ искалъ естественнаго заключенія для своей исторіи и нашелъ таковое въ фактѣ возстановленія имперіи ромеевъ; что же касается таблицы патриарховъ, то онъ составилъ ее, какъ простой списокъ вплоть до своихъ временъ.

Неподходящій къ историческому эпосу стихотворный размѣръ, дѣлающійся несноснымъ вслѣдствіе большого размѣра поэмы, и нехудожественное изложеніе, однообразное изъ-за повторенія одинаковыхъ выраженій, все это дѣлаетъ чтеніе этого произведенія скучнымъ занятіемъ которое лишь изрѣдка вознаграждается какой-нибудь удачной фразой или мѣткимъ словечкомъ.

Послѣднее Ефремъ отличается отъ хронистовъ-прозаиковъ упорнымъ стремленіемъ приблизиться къ языку классической древности и подѣйствовать на читателя употребленіемъ старинныхъ и сложныхъ словъ. Но вопреки всѣмъ стараніямъ въ языкѣ его, какъ въ языкѣ большинства этихъ классицистовъ, невольно проступаютъ слѣды времени. Мы находимъ здѣсь иногда *ἐάν* съ изъяснительнымъ наклоненіемъ, злоупотребленіе желательнымъ наклоненіемъ, формы какъ *τέταρα* и т. д. Естественно, что въ своемъ скудномъ произведеніи авторъ, главкой заботой котораго было не сохраненіе исторической правды, а приданіе матеріалу стихотворной формы, не тратилъ времени на изученіе источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ Ефремъ, кажется, въ основу всей первой части до смерти Алексѣя I Комнина (1118) положилъ обнимающій это время трудъ Зоары, въ которомъ онъ нашелъ матеріалъ, удобно подготовленный для своихъ парафразъ. Для времени до 1204 г. Ефремъ, подобно анониму *Саовы*, слѣдовалъ Никитѣ Хоніату, въ заключеніи до 1261 г.—Георгію Акрополиту.

Изданія: Ed. gr. по единственной рукописи (Cod. Vatic. 1003) *Angelo Mai* Scriptor. veter. nova coll. т. III (Romae 1828) pars I.—Повторено въ *SB* ex recogn. *I. Bekkeri* съ небольшимъ грамматическимъ и предметнымъ указателемъ.—Повторено *PG* CXLIII 1—380.

§ 62. Михаилъ Панаретъ (Μιχαήλ ὁ Πανάρητος) оставилъ совсѣмъ краткую хронику Трапезунтской имперіи, охватывающую время отъ 1204 г. до 1426 г.: *Περὶ τῶν τῆς Τραπεζουῦντος βασιλείων τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, ὅπως καὶ πότε καὶ πῶσον ἕκαστος ἐβασίλευσεν*. Несмотря на слабость формы и бѣдность содержанія, это произведение имѣетъ особый интересъ въ качествѣ дополненія къ скуднымъ извѣстіямъ о томъ замѣчательномъ, освѣщенномъ и прославленномъ *Fallmerayer*'омъ государствѣ на правомъ берегу Чернаго моря, которое долго существовало и по возстановленіи Восточной Римской имперіи въ 1261 г. и пало лишь подъ натискомъ турецкихъ ордъ. Авторъ сообщаетъ какъ современникъ, о послѣднихъ событіяхъ въ жизни Трапезунтской имперіи, и, судя по этому, онъ жилъ въ первой половинѣ XV-го вѣка. Можно счита-

тать достовѣрнымъ, что самъ онъ былъ трапезунтецъ; напротивъ, мы не можемъ столь же увѣренно сказать, былъ ли онъ родственникомъ того Θεодора Панарета, которому одно неизданное извѣстie ¹⁾ приписываетъ управленіе съ патріаршими полномочіями церковью въ Трапезунтѣ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Востока.

Изданія: Ed. gr. *L. Fr. Tafel* въ качествѣ приложения къ *Eustathii Metropolitae Thessalonicensis opuscula etc. Francofurti ad. M. 1832* стр. 362—370. — Повторено съ нѣмецкимъ переводомъ и цѣнными примѣчаніями *Ph. Fallmerayer* *Abhandlungen Bayer. Akad. 3 Cl. Bd. IV, 2. Abt. 1844.*

§ 63. Комнинъ и Прокль (Κομνηνός καὶ Πρόκλος). Подъ заглавіемъ *Μιχαὴλ νεώτης τοῦ Δουχός* изданъ маленькій отрывокъ про странной исторіи Эпира; этотъ отрывокъ есть не что иное, какъ всемірно-историческій обзоръ, почти дословно совпадающій съ введеніемъ къ исторіи Дуки (см. стр. и сл.). Поэтому весьма вѣроятно, что этотъ таинственный «Михаилъ, внукъ Дуки» тождественъ съ хорошо намъ извѣстнымъ историкомъ Дукой, такъ какъ этотъ послѣдній былъ дѣйствительно внукомъ какого-то Михаила Дуки, а о другомъ историкѣ Дукѣ — мы ровно ничего не знаемъ. Его имя оказалось въ заглавіи утраченной исторіи Эпира потому, что авторъ или переписчикъ заимствовалъ почти безъ всякихъ измѣненій введеніе изъ труда Дуки и присоеди нилъ къ нему свою исторію Эпира. Этотъ маленькій отрывокъ издалъ сначала *Pouqueville*, *Voyage dans la Grèce*, 5 (1821) 200—210, а послѣ него *Bekker* вмѣстѣ съ *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos* (которая была когда-то издана *Martin*омъ *Crusius*омъ и *Alter*омъ), *Bonnae 1849* стр. 207 и сл. Въ томъ же томѣ *Bekker* издалъ (стр. 209—279) также изъ *Pouqueville* нѣсколько болѣе пространныхъ фрагментовъ изъ хро ники, относящихся отчасти къ средневѣковой исторіи Эпира, отчасти къ турецкой исторіи (до XVIII в. включительно); онъ издалъ ихъ въ общемъ заглавіи *Epitotica*. Второй изъ этихъ фрагментовъ, озаглавленный: *Ἱστορία Πρελοῦμτου καὶ Κομνηνῶν ἀπὸ τῆς ἀλώσεως αὐτῶν παρὰ τὸν Πόντον*, представляетъ выдержку изъ хроники Комнина, относящейся къ жизни вѣроятно вышеупомянутой владѣльчицы, а можетъ быть и переписчикъ.

Этотъ отрывокъ издалъ въ 1821 г. *Pouqueville* въ своемъ *Voyage dans la Grèce*, т. 5, стр. 200—210 (№ 8—9). *Bekker* издалъ его въ *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos* подъ заглавіемъ: *Ἱστορία Πρελοῦμτου καὶ Κομνηνῶν ἀπὸ τῆς ἀλώσεως αὐτῶν παρὰ τὸν Πόντον* (въ общемъ заглавіи *Epitotica*).